ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать четвертый. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 2-го Іюня 1885 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб. Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1885 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 22.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

— Государь Императоръ, въ 11-й день мая 1885 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ архіепископа волынскаго *Палладія* уволить во ввѣренную ему епархію съ конца текущаго мая, а на мѣсто его, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, вызвать въ Св.-Петербургъ епископа кавказскаго *Германа*.

— Государь Императоръ, въ 11-й день мая 1885 г., Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи первому викарію кіевской епархіи преосвященному чигиринскому *Виталію* епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ.

— Государь Императоръ, въ 11-й день мая 1885 г., Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи ректору благовѣщенской духовной семинаріи архимандриту *Гурію* епископомъ камчатскимъ, курильскимъ и благовѣщенскимъ, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ гор. Иркутскѣ.

Мѣстныя Распоряженія.

(*Къ исполненію*).

Инструкція объ обязанностяхъ псаломщиковъ въ Литовской епархіи, утвержденная Его Преосвященствомъ 21 мая сего года. Литовскою духовною Консисторіею, по выслушаніи дѣла объ инструкціи для псаломщиковъ, опредѣлено: по утвержденіи правилъ инструкціи для псаломщиковъ Его Преосвященствомъ, объявить таковыя къ непремѣнному въ чемъ слѣдуетъ исполненію священнослужителямъ и псаломщикамъ Литовской епархіи, чрезъ напечатаніе въ Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

А. Правила по отношенію къ церкви:

§ 1. Кромѣ клиросного чтенія и пѣнія, явка въ церковь на богослуженіи ранѣе священника, по первому звону, а въ случаѣ надобности, принятіе отъ настоятеля ключей и возвращеніе оныхъ, отпираніе и запираніе церкви и наблюденіе за благовременностію звона; выносъ свѣчи, поставленіе аналогія, принесеніе потребныхъ для богослуженія вещей—просфоръ, вина, теплоты, разведеніе кадильницы, служеніе священнику въ алтарѣ—облаченіе его, подаваніе ему воды для умовенія рукъ; приготовленіе и подаваніе кадила, какъ священнику, такъ и діакону при всѣхъ богослуженіяхъ, возжиганіе и тушеніе свѣчъ въ алтарѣ, наблюденіе за чистотою алтаря, завѣдываніе ризницею и приготовленіе облаченій, подаваніе вещей, необходимыхъ при совершеніи таинствъ и исправленіи требъ, кромѣ тѣхъ, къ которымъ прикосновеніе запрещено церковными правилами для псаломщиковъ; наблюденіе за цѣлостію церковнаго имущества во время производства внутри храма работъ, топки печей или уборки церкви; въ случаѣ болѣзни, или отсутствія наемнаго сторожа, на коего возложено исполненіе низшихъ церковныхъ службъ, неотказываться отъ исполненія сихъ службъ, помня, что никакое служеніе церкви не можетъ считаться унизительнымъ.

§ 2. Во время богослуженія пѣть и читать не спѣшно, внятно и въ случаѣ указанія по этому поводу настоятеля, исполнять безъ возраженій и разсужденій, стоять и держать себя чинно, не облокачиваться, не разговаривать, не смѣяться, не выходить безъ нужды, не приходить въ церковь въ хмѣльномъ видѣ;—въ примѣръ прихожанамъ, аккуратно съ благоговѣніемъ исполнять указанія церковныхъ постановленій, касательно земныхъ и поясныхъ поклоновъ, наклоненія головы при возглашеніяхъ священника, наложенія на себя крестнаго знаменія и приличнаго обращенія къ святымъ иконамъ при входѣ въ алтарь;—находиться при церкви, когда въ оной производятся ремонтныя работы, просушка ризницы, мытье половъ, очистка подсвѣчниковъ и лампадъ, вытираніе же иконъ и позолоты, можетъ производиться, при неумѣніи кѣмъ другимъ, во избѣжаніе поврежденій—и собственноручно, наблюдать, чтобы кто изъ прихожанъ по невѣдѣнію и услужливости не переносилъ съ мѣста на мѣсто и не бралъ въ руки священныхъ предметовъ и не прикасался къ престолу; не удаляться изъ церкви послѣ богослуженія прежде священника, а при выходѣ тщательно осмотрѣть, всѣ-ли и аккуратно потушены свѣчи, залиты-ли въ жаровнѣ уголья, закрыты-ли окна и боковыя двери, въ особенности послѣ вечернихъ богослуженій; въ отсутствіе настоятеля не отлучаться изъ прихода, наблюдать за безопасностію храма и имѣть надзоръ за ночнымъ карауломъ.

Б. По отношенію къ настоятелю.

§ 3. Относиться къ своему настоятелю почтительно и съ уваженіемъ. При встрѣчѣ въ присутствіи народа брать благословеніе со снятіемъ шляпы, являться къ нему по первому требованію, исполнять всѣ законныя служебныя распоряженія и требованія безпрекословно, отлучаться изъ прихода хотя бы на одинъ день съ вѣдома настоятеля, а бо-

лѣе какъ на три дня съ дозволенія благочиннаго и не иначе какъ по представленіи отъ настоятеля удостовѣренія, что на время отпуска есть кому исполнять псаломщицкую должность; находиться неотлучно при совершеніи приходскихъ требоисправленій, для сего удаляясь изъ дому оставлять свѣдѣнія, когда и гдѣ его можно найти; сопутствовать настоятелю при посѣщеніи деревень для внѣ церковныхъ собесѣдованій его съ прихожанами и оказывать ему въ семъ случаѣ помощь, согласно его указанію; имѣя денежную или другую какую претензію къ настоятелю, не быть нахальнымъ, дерзкимъ, а обращаться къ благочинному о законномъ удовлетвореніи; на дѣлаемыя замѣчанія настоятеля и оказанія грубости, не отвѣчать тѣмъ же, а заносить благочинному жалобу не позже мѣсячнаго срока, не возбуждать изъ мести или личной вражды, прихожанъ, противъ настоятеля, избѣгать всякихъ интригъ и агитацій для униженія и оскорбленія его; отношенія же и подчиненность по службѣ къ священнику помощнику должны быть таковы, какъ и къ настоятелю; приходя въ домъ благочиннаго или настоятеля по дѣламъ службы держать себя чинно, какъ велятъ правила вѣжливости и подчиненности.

В. По отношенію къ письмоводству.

§ 4. Веденіе письмоводства по церкви и приходу, выписываніе по совершеніи требы въ подлинную и копіевую метрическія книги актовъ крещеній, погребеній и бракосочетаній, повѣрка по деревнямъ осенью семействъ прихожанъ, согласно исповѣднымъ спискамъ для внесенія въ нихъ родившихся и исключенія умершихъ, приготовленіе клировыхъ вѣдомостей, метрическихъ выписей по воинской повинности и списковъ прихожанамъ обученнымъ и незнающимъ молитвъ; и вообще что окажется необходимымъ по порученію настоятеля, какъ то: завѣдываніе библіотекою, продажа книгъ, иконъ, крестиковъ и веденіе денежной объ этомъ отчетности и каталога; распредѣленіе же изложенныхъ обязанностей между состоящими при церкви псаломщиками и діакономъ, гдѣ онѣ есть, предоставляется тому же настоятелю церкви. Если церковный староста неграмотный, псаломщикъ не долженъ отказываться вести записи прихода и расхода церковныхъ денегъ и разныхъ свѣдѣній по церковному хозяйству. Въ случаѣ неспособности къ письмоводству псаломщика или отказа его нести исправно сію обязанность, предоставляется священнику нанимать для сего на его счетъ постороннее лице; не выдавать, безъ вѣдома и разрѣшенія настоятеля, постороннимъ лицамъ для чтенія церковно-богослужебныхъ книгъ и нотъ, а также метрическихъ и исповѣдныхъ росписей, для частныхъ справокъ о лѣтахъ.

и Г. По отношенію къ себѣ и прихожанамъ.

§ 5. Въ одеждѣ соблюдать чистоту, опрятность и приличіе, не вести жизни праздной, заниматься хозяйствомъ или какимъ ремесломъ, главное—саморазвитіемъ по средствамъ, чтеніемъ книгъ, чтобы нравственно и умственно не грубѣть и не забыть пріобрѣтенныхъ познаній; при объясненіяхъ словесныхъ и письменныхъ предъ начальствомъ, по жалобамъ на неаккуратность по службѣ и поведеніе,—не писать и избѣгать кляузъ, ябедъ и клеветы на своего настоятеля; обходиться съ прихожанами вѣжливо безъ гордости, не заводить съ ними тяжбъ, ссоръ, интригъ и ненужнаго кумовства, не писать имъ жалобъ, доносовъ на священника, разныхъ кляузныхъ прошеній, не вмѣшиваться въ волостные суды и расправы, не ходить съ ними въ питейныя заведенія, не бывать въ ихъ домахъ въ качествѣ гостя при попойкахъ и забавахъ по случаю свадьбы, крестинъ, похоронъ и поминовеній въ теченіи осени, зимы и весны, хотя одинъ день въ недѣлю посѣщать деревни прихода для обученія крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ молитвамъ и пѣнію, отдавая отчетъ настоятелю въ своихъ занятіяхъ; въ промежуткѣ времени послѣ утрени до начала обѣдни въ праздничные и воскресные дни дѣлать спѣвки съ прихожанами на клиросѣ, руководить ихъ пѣніемъ, а чтецамъ указывать порядокъ богослуженія; во время говѣнія дѣлать повѣрку съ разрѣшенія настоятеля, всѣ-ли прихожане, особенно дѣти, умѣютъ правильно класть на себя крестное знаменіе, приступать къ св. чашѣ и отходить отъ нея послѣ причащенія; въ отсутствіи настоятеля, безъ его вѣдома, не требовать отъ прихожанъ послѣ требъ вознагражденій и подарковъ, въ особенности прибѣгать къ вымогательству; безъ настоятеля не ѣздить по приходу съ молитвой за сборомъ хлѣба и прочихъ продуктовъ, а равно безъ вѣдома его же не принимать отъ прихожанъ къ записи предбрачныхъ оглашеній.

— 27 мая, утверждены въ должности церковныхъ старостъ выбранные къ церквамъ: 1) Княгининской, Вилейскаго уѣзда, крест. *Адамъ Демьяновъ Антоновичъ*; 2) Клениковской, Бѣльскаго уѣзда, крест. села Кленикъ *Петръ Семенюкъ*.

Мѣстныя Извѣстія.

— **Пожертвованіе.** Умершій въ Москвѣ почетный гражданинъ Андрей Ѳеодоровичъ Хохловъ духовнымъ своимъ завѣщаніемъ, утвержденнымъ Московскимъ окружнымъ судомъ 24 апрѣля 1885 г., между прочимъ отказалъ въ пользу пріюта при Виленскомъ женскомъ Маріинскомъ монастырѣ четыре тысячи рублей въ 5% билетахъ государственнаго банка.

— 26 мая, рукоположенъ во священника преподаватель Литовской семинаріи *Николай Извѣковъ*.

— **Вакансіи.—Настоятеля:** въ г. *Соколкѣ*, въ с. *Рабуни*—Вилейскаго уѣзда, въ с. *Гвозницѣ*—Брестскаго уѣзда, въ с. *Пескахъ*—Воковыс. уѣзда, въ с. *Камень-Шляхетскомъ*—Кобринскаго уѣзда и м. *Брянскѣ*—Бѣльскаго уѣзда. **Помощника:** въ м. *Батуринѣ*—Хотѣнчицкой церкви—Вилейскаго уѣзда, въ с. *Голомыслѣ*—Дисненскаго уѣзда. **Псаломщика:** въ *Буховичахъ*—Кобринскаго уѣзда, при Бѣлостокскомъ соборѣ, въ г. *Поневѣжѣ*, при Николаевской церкви—въ гор. *Диснѣ*, при Ковенскомъ соборѣ, въ м. *Лысковѣ*—Волковыскаго уѣзда и с. *Бусяжѣ*—Слонимскаго уѣзда.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

О ЧУЖЕЗЕМЦАХЪ.

(Изъ русско-польскихъ отношеній).

Всякій разъ, когда намъ приходится слышать польскія рѣчи *о забранномъ краѣ*, наши чувства возмущаются крайней безцеремонностію поляковъ, съ которой они извращаютъ исторію въ пользу своихъ несбыточныхъ патріотическихъ цѣлей.

Притязанія ихъ на русскіе края основываются главнымъ образомъ на такъ называемомъ *историческомъ правѣ*, другими словами—на правѣ насильственнаго присоединенія къ Польшѣ исконныхъ русскихъ земель и владѣнія ими въ

теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Но почему это временное „вавилонское плѣненіе“ должно отнять у русскаго народа право считать эти земли своими *кровными*, когда дѣйствительно народонаселеніе ихъ происходитъ отъ русскихъ костей и русской плоти, этого, полагаемъ, не объяснитъ намъ никакое право. Тѣмъ не вѣроятнѣе оспаривать у Руси это прирожденное право теперь, когда она фактически владѣетъ своей собственностью, присущей ей со дня своего появленія на политическій свѣтъ.

Если поляки ссылаются на значительное количество дворянства и интеллигенціи нашего края, считающихъ себя поляками (хотя въ дѣйствительности большинство ихъ и не польскаго происхожденія), то обстоятельство это нисколько не измѣняетъ сущности дѣла и не можетъ служить имъ доказательствомъ. Кому не извѣстно, что въ средѣ западнаго славянства интеллигенція и дворяне въ большинствѣ случаевъ нѣмцы, или онѣмеченные славяне; но мы никогда не слыхали, чтобы чехи, словаки, или сами поляки считали себя нѣмцами, а свои земли нѣмецкими; ихъ не считаетъ такими даже нѣмецкое правительство. Кому также не извѣстно, что въ нашемъ краѣ даже слишкомъ много расплодилось евреевъ, составляющихъ ремесленно-торговый классъ; но мы увѣрены, что ни одному поляку никогда не приходило на умъ утверждать, что здѣшній край есть еврейскій, хотя сами евреи съ удовольствіемъ объявили бы его второй Палестиной и Вильну вторымъ Іерусалимомъ.

Эта историческая неправда производитъ на нашу душу еще болѣе подавляющее тяжелое чувство, когда мы погружаемся въ область западно-русской исторіи. Она говоритъ намъ ясно, что всѣ русскія земли, когда-либо входившія въ составъ Польши, за исключеніемъ одной только Галиціи, были присоединены къ ней путемъ дипломатическихъ переговоровъ, путемъ захватовъ, насильственнаго водворенія въ нашемъ краѣ р.-католической вѣры и польскаго землевладѣнія и, наконецъ, благодаря удивительному легкомыслію литовско-русскихъ великихъ князей, добровольно уступившихъ Польшѣ свои верховныя права надъ Русью вопреки протестамъ народа и большинства его представителей, вопреки собственной присягѣ: „*не помножать короны княжествомъ, ни княжества короной*“....

Такъ называемыя „*уніи*“—эти краеугольные камни политическаго объединенія Руси, Литвы и Польши въ общую рѣчь-посполитую, были не что иное, какъ ловкія западни, искусно разставлявшіяся при всякомъ удобномъ случаѣ для уловленія легковѣрныхъ и честолюбивыхъ членовъ литовско-русскаго дворянства. Въ этомъ легко убѣдиться всякому смертному не исключая даже и самихъ поляковъ, разсмотрѣвши дневники, акты, замѣтки современниковъ, касающіеся этихъ событій. Въ польскомъ историческомъ правѣ на здѣшній край они могутъ имѣть единственное значеніе „Старыхъ заплатъ на ветхомъ рубищѣ слѣпца“, а въ дѣлахъ славянскаго единенія имѣютъ значеніе *кровавыхъ болячекъ*, періодически увеличивавшихся и уменьшавшихся, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ. Позднѣйшія поколѣнія будутъ разсматривать ихъ съ такимъ же интересомъ, съ какимъ разсматриваемъ мы обыкновенно грибы, губки и разные наросты на старомъ и больномъ деревѣ.

Еще говорятъ намъ о какомъ то „*сердечномъ согласіи*“, будто существовавшемъ между народами бывшей рѣчи-посполитой и соединявшемъ ихъ въ одно политическое цѣлое... Но согласія этого не найдутъ намъ даже самые смѣлые и ретивые изыскатели историческихъ ея судебъ. Развѣ можно найти согласіе тамъ, гдѣ съ одной стороны господствовало безграничное господство и произволъ, а съ другой —безотвѣтное рабство и страданіе? Слезы и стоны поруганныхъ, угнетенныхъ и нравственно оскорбляемыхъ западноруссовъ всегда составляли непроходимую бездну въ международныхъ отношеніяхъ Руси и Польши для установленія какихъ бы то ни было согласій, а не то, что *сердечныхъ*. Польскіе хронисты съ безпощадной откровенностью приподнимаютъ предъ нами завѣсу этихъ *сердечныхъ согласій* и называютъ ихъ *русскимъ отчаяніемъ и мщеніемъ*. Augebat etiam hujusmodi malum (говорятъ намъ Длугошъ и Бѣльскій Dl. p. 773, Biel. p. 371) baronorum Poloniae ambitio, qui a rege donationibus oppidorum et villarum in terris Rujsiae et Podaliae impetratis antiqos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi, ad tartaros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerunt, in ducabant. Такимъ образомъ татарскія нашествія и опустошеніе русскихъ земель, перешедшихъ въ руки поляковъ, производились по волѣ самихъ же русскихъ, которые будучи лишены своихъ очаговъ, побуждаемые нищетой и отчаяніемъ, уходили къ татарамъ и призывали ихъ для окончательнаго разоренія своей родины. Вѣдь и Москва была сожжена въ 1812 г. по преимуществу руками самихъ же русскихъ, чтобы русское добро не досталось французамъ...

Если подъ непосредственнымъ вліяніемъ татарскаго погрома и натиска нѣмецкихъ рыцарей Западная Русь, Литва и Польша и имѣли болѣе или менѣе вѣсскія основанія для заключенія временнаго союза, то продолжительнаго правленія Владислава-Ягелла было совершенно достаточно, чтобы познакомить лучшихъ литовско-русскихъ людей съ тайными происками латино-польской политики. Витовтъ, согласившійся на Городельскую унію, считалъ послѣднимъ и величайшимъ дѣломъ своей государственной жизни возложить на свою маститую голову *королевскій вѣнецъ литовско-русскаго государства*. Съ этого времени идея политической самобытности литовско-русскаго государства никогда не умирала въ сознаніи лучшихъ государственныхъ его людей; напротивъ того, по мѣрѣ болѣе широкаго ознакомленія съ эгоистическими цѣлями польской политики она пріобрѣтала и болѣе опредѣленный смыслъ и сознаніе: поляки стали называться „*чужеземцами*“. Этотъ новый этнографическій и международный терминъ долженъ былъ употребить даже въ оффиціальномъ документѣ—въ жалованной грамотѣ в. кн. литовско-русскому Казимірѣ Ягеллончикѣ, въ 1457 г. „Такожъ обѣцуемъ и слюбуемъ, говорится въ этомъ документѣ, ижъ въ земляхъ тыхъ нашихъ великого князьства земель, городовъ, мѣстъ, а любо которыхъ-кольвекъ дѣдичьствъ у володѣніе и въ держаніе, а любо нѣкоторыи вряды, а любо чьти не имаемъ дати въ честь *никоего чюжеземца*, але только тымъ родичомъ тыхъ земль нашихъ предрѣчоныхъ великаго князства Литовскаго дамы и наши послѣ будущіи дадуть въ держаніе и володѣніе“ (Акты западной Россіи т. 1 стр. 76, 77). Но это торжественное обѣщаніе нисколько не помѣшало ему впрочемъ отдать коронѣ княжество Белзско-Холмское въ 1462 году.

Князь Александръ считалъ великое княжество своей *вотчиной и дѣдиной* и требовалъ у своего брата Альбрихта назначенія граничной коммиссіи для разбора спорныхъ граничныхъ дѣлъ и захватовъ, на основаніи „ухвалы

и записовъ на первыхъ соймѣхъ съ обу сторонъ, которое право было ухвалено и записано". (Акты З. Р. Т. 1-й стр. 116—117).

Въ посольскихъ рѣчахъ литовско-русской рады Сигизмунду старому высказываются очень тонкія дипломатическія соображенія въ видахъ сохраненія политической автономіи княжества. Рада совѣтуетъ своему государю прежде всего вытребовать у поляковъ витовтову корону и возложить ее на главу своего сына, какъ самостоятельнаго литовско-русскаго государя. „Корону эту, говоритъ рада, загамовали панове поляцы и до тыхъ часовъ ее выдати не хотятъ и не зычатъ тое чти паньству вашое милости отчизному...ажебы паньство вашое милости было въ пониженью, ажебы втѣлено (in corproго) имъ къ корунѣ, о штожеся они давно працуютъ, хотячи дѣдицтво вашое милости привлащити къ князству коруны польскоѣ"... Если же корона будетъ возложена на главу его сына Сигизмунда Августа, то политическая самобытность княжества на всегда будетъ упрочена: „бо коруна въ коруну втѣлена быти не можетъ" (Акты З. Р. Т. II. № 144).

Съ большимъ сожалѣніемъ рада указываетъ своему князю на отдачу имъ „дворнаго вряда чашничества неякомусь *Ясеньскому ляху*"; но болѣе всего ропщетъ на установленіе новаго обычая—позывать подданныхъ в. княжества въ корону для окончательнаго разбирательства ихъ дѣлъ. „Дѣдъ вашей королевской милости, король Якгейло былъ княземъ литовскимъ 30 лѣтъ; отецъ вашое милости король Казимеръ на великомъ князствѣ былъ пятьдесятъ и два года, а братъ вашое милости король Александръ полпета года, а ваша милость, господарь нашъ милостивый, пануешь вжо 32 годы, и николи, милостивый королю, черезъ всѣ тые часы тотъ сильно шкодливый звычай въ тое паньство вашое милости не вносился, одно сего года надъ паномъ виленскимъ, яко ся мы вышей повѣдили, тое вызнанье початокъ свой взяло"... (Акты З. и Ю-З. Россіи, т. I № 101).

Но послушаемъ, что говорила литовско-русская рада послѣднему Ягеллончику за лѣтъ 15—20 до люблинской уніи.

„Былъ обычай стародавній, что когда королю угодно было посѣщать в. княжество литовское, то на границѣ оставались всѣ коронные урядники, и мѣста ихъ заступали урядники в. княжества; если же кто изъ коронныхъ и посѣщалъ его, то не иначе, какъ въ качествѣ гостя..."Теперь же, свидѣтельствуетъ рада, дворные врядники в. княжества „одно титулы врядовъ своихъ маютъ, а врядники корунные всякой владности въ ихъ урядѣхъ уживаютъ, и доходы и оброки, которыи на тыи вряды прислухаютъ на себе берутъ и правѣ вжо ся во всемъ стародавный обычай около тыхъ врядовъ замѣнилъ"... (Ак. З. Р. III, 14). Недавній объѣздъ границъ обнаружилъ, что тымъ большія кривды той братьи нашой пограничной въ боѣхъ, кгвалтахъ, въ головчизнахъ, въ забираньи земль и въ иншихъ многихъ рѣчахъ дѣються"... Король обѣщалъ установить „*границы вѣчныя*" (ibid. III, 10)... Просили и били челомъ, „абы на Подляшьи и Волыни имѣней не куповали *чужеземцы* и ни жадными причинами не посѣдали имѣней, кгдыжъ тѣмъ не мало паньства в. княжества убываеть". Король обѣщалъ, что на будущее время отниметъ у поляковъ всѣ средства пріобрѣтать имѣнія на вѣчность и оставитъ одно только право *заставное* и то внутри княжества, а на границахъ уничтожитъ и это послѣднее (Ак. З. Р. Т. III, 53). Еще разъ напоминали, чтобы *чужеземцы* урядовъ никоторымъ правомъ не держали..., чтобы вдовы и дѣвицы, выходящія замужъ за *чужеземцовъ*, лишались половины своихъ имѣній, а другая чтобы пріобрѣталась ихъ родственниками по 5 копъ за службу... Король обѣщалъ во всемъ придерживаться статута (Ак. З. Р. Т. III, 53).

И вотъ этотъ же самый король устроилъ Люблинскую унію, съ которой бѣжали лучшіе литовскіе люди, чтобы не покрывать своего честнаго имени вѣчнымъ позоромъ національнаго предательства. Когда же увидѣли, что король весь на сторонѣ польши, то оставшіеся представители княжества со слезами на глазахъ, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ, стоя на колѣняхъ, взывали къ нему въ лицѣ жмудскаго старосты: „именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы! Благоволи устроить насъ такъ, чтобы всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя царская совѣсть. Именемъ Бога умоляемъ тебя помнить что́ ты утвердилъ намъ своею собственной присягой" (Дневникъ Люблинской уніи Кояловича, 471). Извѣстно, что при вступленіи на великокняжескій престолъ Сигизмундъ Августъ утвердилъ своей присягой тоже самое обязательство, которое въ торжественной грамотѣ было произнесено Казимиромъ Ягеллончикомъ за себя и за своихъ потомковъ: „*не помножать короны княжествомъ, ни княжества короной*".

Изъ этого бѣглаго обозрѣнія документовъ, разсматривающихъ международныя отношенія литовско-русскаго княжества къ Польшѣ, нельзя не видѣть, что до временъ Люблинской уніи въ представленіяхъ западно-русскаго человѣка и литовца полякъ имѣлъ значеніе *чужеземца*, а политическій союзъ—національнаго предательства, смѣшнаго, безсовѣстнаго и позорнаго.

Послѣ люблинской уніи эти рѣзкія черты международныхъ отношеній нѣсколько сгладились, но сущность ихъ осталась не измѣнной. Это можно видѣть въ многочисленныхъ инструкціяхъ литовско-русскихъ воеводствъ и повѣтовъ, шагъ за шагомъ отстаивавшихъ свои автономныя права отъ постоянныхъ посягательствъ и насилій Польши. Мы не дѣлаемъ выписокъ вслѣдствіе краткости нашей замѣтки, а любопытныхъ отсылаемъ къ Актамъ Виленской и Кіевской коммиссій, которыя по этой части издали уже весьма значительный историко-юридическій матерьялъ. Въ такомъ направленіи шла историческая жизнь западно-русскаго края до послѣднихъ раздѣловъ Польши. Но сколько онъ потерялъ за это время своихъ сыновъ?!.. Политическія событія позднѣйшаго времени перевели ихъ въ лагерь *чужеземцовъ* и теперь они считаютъ себя поляками и говорятъ намъ „*о забранномъ краѣ*". Медленно и съ колебаніями идетъ въ нашемъ краѣ развитіе русскаго національнаго самопознанія, но все таки идетъ впередъ. Будутъ ли юродивыя дѣвы имѣть на готовѣ свои свѣтильники, когда придетъ время встрѣтить жениха,—увидятъ наши потомки.

Бѣлоруссъ.

— **Изъ м—ка Гелванъ Виленскаго уѣзда.** 1-го мая, въ 5 часовъ вечера, Виленскій Вѣстникъ принесъ въ наше захолустье печальную вѣсть о кончинѣ всѣми уважаемаго нашего Архипастыря. Вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи разнеслась не только въ м—кѣ, но и за предѣлами его. При первомъ ударѣ въ колоколъ, значительное число прихожанъ собралось въ церковь ко всенощной, въ числѣ ихъ были католики и даже протестанты—инвалиды Гелванской

военной богадѣльни со своимъ смотрителемъ полковникомъ А. А. Шумовымъ.

Послѣ всенощной, предъ выходомъ на панихиду священникъ І. Д. обратился къ собравшемуся народу съ слѣдующими словами: „Въ прошлое воскресенье, 28 апрѣля, въ 6 ½ часовъ вечера, въ Бозѣ почилъ нашъ Архипастырь, Высокопреосвященный Архіепископъ Александръ. Кончина его, какъ и всѣхъ вообще благочестивыхъ людей, была „безболѣзненна, непостыдна и мирна“. Легкій кашель и чистая душа его оставила бренное тѣло и вселилась въ обители небесныя. Кончина Высокопреосвященнаго Архіепископа Александра заставляетъ и каждаго изъ насъ призадуматься о своей кончинѣ, о томъ, что для каждаго изъ насъ рано или поздно наступитъ моментъ разлученія души съ тѣломъ, или какъ обыкновенно говорятъ, часъ смерти—это съ одной стороны; а съ другой—эта кончина переноситъ нашу мысль въ недалекое прошлое, къ 7-му сентября, прошлаго года, когда нынѣ почившій Архипастырь, вмѣстѣ съ нами, и въ этомъ храмѣ, и на этомъ священномъ мѣстѣ, и въ это самое время, возводилъ свои свѣтлые взоры къ небу и своими святительскими руками благословлялъ насъ, молился о нашемъ здравіи, и о насажденіи и сохраненіи дорогаго его сердцу православія въ здѣшней мѣстности. Въ самый праздникъ, 8-го сентября, Владыка торжественно освятилъ нашу церковь, совершилъ въ ней первое архіерейское служеніе и послѣ божественной литургіи, съ этого священнаго мѣста, долго, долго училъ насъ яко добрый пастырь, пекущійся о благѣ своихъ овецъ. Какая трогательная картина представлялась тогда взору, когда масса народа составила изъ себя какъ бы одно живое тѣло, и затаивъ дыханіе, старалась уловить каждое слово, каждый звукъ, маститаго проповѣдника. Слова его лились рѣчью безъискуственною, ясною, простою и доступною для тѣхъ, которыхъ по слову апостола Павла слѣдуетъ питать млекомъ вѣры, а не твердою пищею. А теперь... теперь... увы! Онъ почилъ сномъ смерти; голосъ его умолкъ...

Да, наша паства теперь осиротѣла и мы, благоч. слушатели, какъ сироты помолимся Богу и попросимъ Его, чтобы Онъ душу преставльшагося раба своего Высокопреосвященнаго Архіепископа Александра въ селеніяхъ праведныхъ учинилъ, въ нѣдрахъ Авраама упокоилъ и къ праведникамъ причислилъ и насъ помиловалъ.

Вознесемъ нашу мысль къ почившему архипастырю и попросимъ его, дабы онъ, предстоя предъ престоломъ Всевышняго, всегда молился о сохраненіи дорогихъ его святительскому сердцу послѣдователей православія въ нашей мѣстности отъ волковъ губящихъ ихъ и о насажденіи и развитіи въ ней православія, которое всѣми силами, всѣми средствами матеріальными и моральными, при посредствѣ различныхъ интригъ и происковъ въ послѣднее время последовательно искореняется и уничтожается злыми людьми“...

Во время панихиды всѣ присутствующіе въ храмѣ стояли съ возженными свѣчами и молились Богу о почившемъ Владыкѣ. При пѣніи „со святыми упокой“... и „вѣчная память“, почти всѣ стояли на колѣняхъ и проливали слезы.

На панихидѣ присутствовалъ г. помощникъ исправника Н. Я. Д., остановившійся въ Гелванахъ во время проѣзда по дѣламъ службы. На слѣдующій день, 2-го мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, послѣ божественной литургіи, предъ панихидой, сказано краткое поученіе на евангельскій текстъ: *„Азъ есмь пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“*, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „что почившій архипастырь дѣйствительно былъ таковъ, что онъ дѣйствительно положилъ душу свою за овцы паствы своея... Въ послѣднее время, когда католики съ особенною силою стали совращать въ латинство бывшихъ уніатовъ, когда въ нашемъ уѣздѣ открыто стали преслѣдовать православныхъ и въ особенности васъ, такъ называемыхъ, русскихъ поселенцевъ, выживая васъ изъ среды своей и захватывая надѣленные вамъ земельные участки различными неправдами въ свои руки, почившій архипастырь, прошлымъ лѣтомъ, не смотря на свои преклонныя лѣта и разстроенное здоровье, изволилъ самъ лично посѣтить всѣ православныя церкви нашего уѣзда, а нашу не только посѣтилъ, но и освятилъ послѣ значительнаго ремонта. Всюду почившій Архипастырь вносилъ миръ, любовь и своими бесѣдами, своими пастырскими наставленіями производилъ благотворное вліяніе не только на православныхъ но даже и на католиковъ и на евреевъ, которые всюду встрѣчали его съ хлѣбомъ съ солью: всѣ были рады встрѣтить маститаго Архипастыря и довольны были его посѣщеніемъ. Все это, конечно, съ одной стороны радовало преосвященнаго, а съ другой—у него была и глубокая печаль. „Меня глубоко огорчаетъ настоящее положеніе православныхъ русскихъ поселенцевъ, извращенное ксендзовскими интригами въ минувшіе годы; но я постараюсь, на сколько будетъ возможно, хлопотать за русскихъ поселенцевъ предъ высшимъ начальствомъ“, говорилъ покойный Владыка во время ревизіи церквей.

Да! кончина нашего Архипастыря великая утрата въ особенности для васъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ судьба поселила въ здѣшней мѣстности и назвала однимъ общимъ именемъ „русскихъ поселенцевъ и землевладѣльцевъ“... Но если долго и безутѣшно плачутъ и проливаютъ обильныя слезы добрыя дѣти при гробѣ отца своего, члены семьи—при гробѣ своего главы семейства, подчиненные—при гробѣ своего начальника, храброе воинство надъ бездыханнымъ тѣломъ своего полководца, то тѣмъ болѣе объемлетъ скорбь нашу душу и изъ глазъ невольно льются слезы при мысли о кончинѣ нашего Архипастыря, который былъ для насъ любвеобильнымъ отцемъ, главой, начальникомъ, заступникомъ и руководителемъ. Теперь мы сироты, мы какъ лодка безъ кормчаго среди бушующихъ волнъ въ темную осеннюю ночь на открытомъ морѣ. Насъ теперь, быть можетъ, ждутъ многія бѣды и непріятности; но не будемъ падать духомъ и приходить въ отчаяніе, обратимъ наши взоры съ молитвою на устахъ къ Тому, Кто взываетъ къ каждому изъ насъ: *„Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Я упокою васъ“*. Пусть каждый изъ васъ взываетъ со святымъ царемъ и пророкомъ Давидомъ: *„Аще ополчится на мя полкъ, неубоится сердце мое, яко Ты со мною еси“*. Пусть каждый изъ насъ проникнется духомъ христіанъ первыхъ вѣковъ и словами ихъ смѣло говоритъ своимъ притѣснителямъ: „скорѣе вы устанете мучить меня, чѣмъ я переносить мученіе“. А теперь помолимся Богу и попросимъ Его, чтобы Онъ, душу отъ насъ преставльшагося раба своего Высокопреосвященнаго Архіепископа Александра упокоилъ „въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, всякое согрѣшеніе содѣянное имъ словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, яко благій и человѣколюбецъ Богъ“ простилъ и насъ помиловалъ и спасъ.

На панихидѣ кромѣ православныхъ и немногихъ католиковъ, были старообрядцы и даже нѣсколько евреевъ, а это у насъ, въ захолустьи, рѣдкій случай. Это доказываетъ, что покойный Владыка заслужилъ любовь у всѣхъ одинаково.

N. N.

Слово въ день тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, первоучителя Славянъ, 6-го апрѣля 1885 года.

Сегодня по всей необъятной Россіи, гдѣ только слышится русская рѣчь, работаетъ русская мысль, бьется русское сердце, въ каждомъ уголкѣ ея совершается всенародное церковное чествованіе тысячелѣтней памяти равноап. первоучителя славянъ св. Меѳодія и неразлучнаго съ нимъ въ подвигѣ жизни и въ благодарномъ воспоминаніи народовъ его брата, св. Кирилла.

И во всемъ славянскомъ мірѣ совершилось на дняхъ, или совершается сегодня же это благоговѣйное чествованіе.

Тысяча лѣтъ раздѣляетъ насъ и наше время отъ св. братьевъ. Цѣлыя племена и царства явились и изчезли съ лица вселенной, и самыя имена ихъ стали преданіемъ, а память о двухъ инокахъ неразрывною нитью соединяетъ народы въ благоговѣйномъ ихъ чествованіи, животворитъ народное самосознаніе и нарубежѣ другаго тысячелѣтія воскресаетъ съ новою силою и славою.

Какое же живое благо они принесли славянскому міру? Какіе неумирающіе завѣты они оставили ему?

Въ 9-мъ вѣкѣ восточная, или византійская имперія начала клониться къ паденію. Появившееся въ 7-мъ вѣкѣ въ Аравіи мусульманство огнемъ и мечемъ, какъ стихійная, разрушительная сила, уничтожало все, что стояло на пути его завоеваній. Египетъ, Малая Азія, Палестина, Сирія, залитые кровію христіанскою пали предъ изувѣрами. Слава древнихъ христіанскихъ церквей померкла.

На западѣ Европы, на развалинахъ языческаго Рима, силою особо сложившихъ судебъ исторіи, возникла сильная христіанская римская патріархія и новая римская имперія, въ короткое время соединившая подъ своимъ желѣзнымъ скипетромъ всѣ народы Западной Европы. Какъ та, такъ и другая одинаково стремились къ абсолютному всемірному владычеству надъ народами; первая—нестолько заботясь о распространеніи евангельской правды, любви и свободы, сколько о духовномъ порабощеніи народовъ въ видахъ своихъ корыстныхъ, властительныхъ интересовъ: другая,—огнемъ и мечемъ внѣдряя съ началами христіанской цивилизаціи свой гражданскій строй и владычество.

Въ нѣдрахъ единой вселенской церкви, переживнихъ вѣковыя смуты ересей и расколовъ, подъ вліяніемъ церковнаго самовластія римскаго патріарха и вмѣшательства мірскихъ цѣлей и мірской власти въ дѣло религіи, съ необузданнымъ легкомысліемъ сѣялись сѣмена разногласія, раздоровъ и нарушенія жизненныхъ началъ церкви, которыя въ 11-мъ вѣкѣ привели къ плачевному раздѣленію вселенской церкви: на восточную и западную,—раздѣленію, принесшему христіанскому міру такъ много бѣдъ и продолжающему смущать міръ христіанскій и въ наше время.

Въ томъ же 9-мъ вѣкѣ, почти въ центрѣ и на востокѣ Европы, на огромномъ пространствѣ, начиная съ средняго Дуная до степей нашего южнаго края, и отъ устьевъ Эльбы у Балтійскаго побережья до Адріатическаго моря жили славянскія племена. Мирные земледѣльцы среди своихъ равнинъ дѣвственныхъ лѣсовъ, славяне составляли разрозненное, не соединенное политическимъ единствомъ населенія съ задатками оригинальнаго, самобытнаго гражданскаго развитія и строя. Жажда къ завоеваніямъ нѣмецкаго племени нарушила мирную жизнь славянъ. Германцы силились покорить славянъ и своей силѣ и своей культурѣ. Опираясь на мечъ завоевателей, и римскіе миссіонеры толпами наводнили славянскія селенія, неся имъ проповѣдь евангелія и христіанское Богослуженіе на чуждомъ, непонятномъ славянамъ латинскомъ языкѣ, и свое церковное вліяніе закрѣпляли захватомъ обширныхъ земельныхъ участковъ и податью (десятиною), которую взимали они за проповѣдь о духовномъ царствѣ Божіемъ на землѣ. И римскій папа и римскій императоръ соединились вмѣстѣ для духовнаго и политическаго порабощенія славянъ. Казалось, усилія миссіонеровъ папы и миссіонеровъ нѣмецко-римскаго просвѣщенія должны были погубить въ зародышѣ славянскую самостоятельность: славяне должны были быть поглощенными нѣмецкою расою.

Въ 862 году Моравскій князь Ростиславъ отправилъ въ Византію посольство съ просьбою прислать проповѣдниковъ, которые бы разъяснили его народу вѣру Христіанскую на его родномъ языкѣ. Только такая проповѣдь могла создать среди славянъ прочное христіанство, а добровольно, свободною совѣстію народа принятое христово ученіе создать національную славянскую христіанскую церковь, которая силою вѣры и христіанскаго просвѣщенія должна была объединить разрозненныя племена и положить основной камень и самостоятельнаго гражданскаго развитія. Только свободная христіанская церковь могла избавить славянъ отъ насилія римскихъ миссіонеровъ и упрочить добытую Ростиславомъ при помощи оружія свободу отъ нѣмецкой политической зависимости. На призывъ князя въ Моравію прибыли два инока-брата Кириллъ и Меѳодій. Дѣти знатнаго вельможи, съ дѣтства знающіе славянскій языкъ, и, можетъ быть, славяне по происхожденію, съ глубокимъ, всестороннимъ образованіемъ, близкіе къ византійскому императорскому вдвору и уже занимавшіе видныя должности въ имперіи, свв. братья еще до призыва Ростислава оставили мирный покой семьи и широкіе пути жизни, и въ уединеніи иноческой келліи, въ занятіяхъ науками, въ подвигѣ христіанскаго углубленія искали того удовлетворенія своей мысли и чувству, которое ищутъ и знакомо на землѣ великимъ душамъ Божіихъ избранниковъ, свѣточей человѣчества, вѣками и тысячелѣтіями появляющихся на землѣ. Братья оставили и это личное свое счастіе и весь трудъ жизни, всю вдохновенную свою любовь къ добру и людямъ посвятили великому подвигу и дѣлу просвѣщенія славянъ. Недологъ по видимому былъ апостольскій ихъ трудъ. Чрезъ семь лѣтъ умеръ въ Римѣ меньшой братъ Кириллъ; чрезъ двадцать два года скончался и Меѳодій. Но сколько въ это время было перенесено ими труда, огорченій, борьбы, скорбей и лишеній; сколько въ эти годы сдѣлано для славянства! Но, по своему вѣковому, міровому значенію, это была цѣлая эпоха, обезсмертившая имена двухъ братьевъ, плодами которой жили славяне прошедшее тысячелѣтіе, будутъ жить въ будущихъ тысячелѣтіяхъ.

Воспитанные въ духѣ чистаго православія, свв. братья не признавали правды ни римскихъ отступленій отъ вѣроученія, ни правъ папства на всемірное владычество и рабское въ видахъ церковнаго единства подчиненіе ему хр. народовъ. Признавая дѣйствительную силу христіанства только при свободномъ и сознательномъ проникновеніи христіанскаго ученія въ человѣческую душу, апостолы славянъ были чужды того древле-языческаго взгляда на юные народы, по которому провѣдь евангелія могла быть распространяема на языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, взгляда отъ котораго нехотѣло отказаться, къ вящщему порабощенію дикихъ народовъ, римское духовенство съ своими папами во главѣ. Молитвою и постомъ братья освятили свое приготовленіе къ подвигу, гдѣ должна была

сосредоточиться вся мысль ихъ жизни, сказаться ея послѣднее слово на землѣ. И первымъ дѣломъ ихъ было созданіе славянской письменности, а первыми строками, переведенными на славянскій языкъ были первыя строки евангелія Іоанна, въ которыхъ грѣшному человѣку сказалось довѣчное слово Божіе объ Искупителѣ его. Успѣхъ проповѣди былъ изумительный; онъ уподобился успѣху чудесной проповѣди двѣнадцати рыбарей, пред которыми покорно склонилъ гордую голову древній языческій міръ. Въ два десятка лѣтъ на сл. языкъ были переведены: св. Писаніе, Богослужебныя книги, часть твореній св. отцовъ церкви, жизнеописаніе святыхъ и часть духовно-нравственныхъ книгъ. Въ два десятка лѣтъ былъ положенъ прочный фундаментъ обширной славянской письменности, созданъ былъ первый въ Европѣ по времени литературный общеславянскій языкъ, а съ нимъ освящено прочное начало славянскаго просвѣщенія, даны широкія средства для широкаго духовнаго развитія богатой природными дарованіями славянской натуры. Живою струею потекла св. истина по моравскому и другимъ княжествамъ. Густыми толпами народъ сталъ наполнять построенные св. просвѣтителями храмы и окружалъ своихъ вдохновенныхъ учителей; съ живымъ чувствомъ началъ онъ славить Бога на родномъ языкѣ, съ простотою искренняго чувства онъ покорился ученію евангельскому, которое дарило ему свободу чистой совѣсти, умиляло сердце, дарило силу добра, не несло ему порабощенія. Толпами пошелъ народъ въ школы, въ свои общенародныя школы, которыя, съ распространеніемъ новой вѣры, росли быстро и гдѣ, развивая желанную народу грамотность, давали религіозно-нравственное направленіе, на началахъ того же слова Божія, которое онъ слышалъ въ церкви. Въ два десятка лѣтъ свв. братья воспитали и дали славянству цѣлое поколѣніе своихъ учениковъ и усердныхъ сотрудниковъ, составившихъ первую, національную славянскую церковную іерархію и продолжившихъ въ славянскихъ земляхъ ихъ апостольскіе труды, и сильную энергіею и увлеченіемъ трудомъ учебную корпорацію, послужившую распространенію христіанской цивилизаціи въ другихъ славянскихъ племенахъ. Въ два десятка лѣтъ усиліями двухъ вдохновенныхъ людей создана церковь, ставшаяся основою, могучимъ рычагомъ всей исторической народной жизни многихъ племенъ: подвигъ великій, которому нѣтъ равнаго въ исторіи. Предъ св. величіемъ его блѣднѣютъ дѣла геніевъ человѣчества, остріемъ меча пишущихъ географическія карты вселенной.

Еще при жизни свв. братьевъ возстало на нихъ поголовно сильное нѣмецко-римское духовенство, быстро утратившее свое церковное и политическое вліяніе и значеніе въ славянскихъ земляхъ и потерявшее свои матеріальныя выгоды, соединенныя съ порабощеніемъ славянъ римской церкви. На національную славянскую церковь и образованіе возстало и нѣмецкое правительство, стремившееся къ германизаціи и захвату славянъ. И едва закрылись очи великаго страдальца Меѳодія, раздались громы папскихъ анаѳемъ; его ученики были разсѣяны и изгнаны; церкви отняты или разрушены и св. великое дѣло въ Моравіи и Панноніи, подъ напоромъ нѣмецкой вооруженной силы, погибло, и самая могила великаго вождя составляетъ въ наше время предметъ спора. Но не погибло великое дѣло его для всего славянства. Какъ при жизни свв. братьевъ злоба враговъ, вызвавшая ихъ путешествія въ Римъ и Византію, съ проповѣдью евангелія—въ сосѣднія славянскія земли, послужила къ торжеству ихъ правды и дѣла (напр. въ Панноніи и Чехіи), такъ и, по смерти, изгнаніе многочисленныхъ учениковъ Меѳодія послужило къ распространенію православія и славянской письменности, напр. въ Привислинскомъ краѣ, гдѣ въ Краковѣ (нынѣшнемъ польскомъ Римѣ для мечтательнаго польскаго католицизма) въ 15-мъ вѣкѣ, въ церкви св. Креста, богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ, и среди славянъ Балканскаго полуострова, гдѣ время торжества славянской церкви и просвѣщенія было самымъ свѣтлымъ періодомъ исторіи (напр. въ Болгарскомъ княжествѣ), гдѣ народная церковь осталась до настоящаго времени у народовъ сохранившихъ свою національность, письменность и церковность послѣ вѣковыхъ страшныхъ гоненій и насилій. Настали вѣка обольщеній и испытаній, которыми вооружилось противъ идеи славянства грубое невѣжество христіанскихъ правительствъ и общества Европы: а переводы Кирило-Меѳодіевскіе (св. писанія и Богослужебныхъ книгъ) сбережены народами, какъ святое наслѣдіе; изобрѣтено книгопечатеніе: и первою, напечатанною славянскою книгою была библія. Запылалъ костеръ Іоанна Гусса, но и онъ только озарилъ новымъ блескомъ идею славянства. Настали новыя времена и новые люди; новыя вѣянія и задачи жизни; и одинокіе мыслители и даже народы отреклись отъ своихъ преданій, и свои взоры и чаянія устремили къ этимъ временамъ, а память о великихъ благодѣтеляхъ славянъ среди темнаго славянства живетъ въ молитвѣ и пѣсни, несущей благословеніе имъ и проклятіе врагамъ ихъ и ихъ дѣла, и воскресаетъ съ новою силою тамъ, гдѣ правда науки и исторіи разсѣяла предубѣжденіе, уничтожила ложь, открыла насиліе. Погибла идея славянская въ тѣхъ племенахъ, которые, измѣнивъ своей народной церкви, потеряли съ нею свою народность и независимость: погибли съ нею, поглощенныя другою расою.

Не умираютъ дѣйствительно истинныя идеи: къ счастію человѣчества, онѣ вѣчны, какъ вѣчна истина. Не погибнетъ и за предѣлами России идея славянства, потому что въ ней жизнь великаго племени; потому что она завѣтъ чистаго, вселенскаго православія!

14-го февраля 869 года, въ келліи одного изъ монастырей въ Римѣ, подъ власяницей схимника умиралъ св. Кириллъ. Гигантскій трудъ жизни и душевная борьба съ недругами его дѣла сокрушили слабый отъ природы организмъ его. Въ душѣ, окончившей земные разсчеты и заботы, оживало все, пережитое, передуманное и перечувствованное. У смертнаго одра стоялъ братъ... Глаза умирающаго широко и не подвижно были устремлены на друга всей жизни и въ свѣтѣ его очей искали, хотѣли привлечь къ себѣ лучъ вѣчнаго свѣта, которому служилъ умирающій всю жизнь, чтобы взять его съ собою въ долгую темную ночь. Вдругъ сквозь туманъ смерти могущественно вспыхнула послѣдняя искра; еще разъ вспыхнулъ вдохновенный огонь жизни, и изъ разбитой, еле дышущей груди послышалась послѣдняя святая вѣсть жизни, вдохновенная, великая мысль ея: „мы, братъ, тянули съ тобою одну борозду, и вотъ—я падаю на грядѣ, кончаю дни мои... Не покидай наше служеніе,—имъ ты скорѣе можешь спастись“! И какъ бы ушедши вѣщею мыслію въ таинственный просторъ глубокихъ думъ и грезъ, прозрѣвая даль будущихъ вѣковъ умирающій молился за великое славянское дѣло, и слезы текли по его исхудалымъ щекамъ... И и въ непобѣдимомъ подвигѣ жизни, приготовившемъ раннюю могилу, и въ завѣтѣ оставляемому безъ помощи на землѣ брату, и

въ этихъ слезахъ молитвы оказалась великая пророческая мысль, прозрѣвшая будущія судьбы славянскихъ народовъ и великихъ завѣтовъ, оставленныхъ этимъ народамъ.

Прошло сто лѣтъ надъ могилами Кирилла и Меѳодія. Въ Корсунѣ, освященной ихъ стопами, вышедшій изъ купели крещенія равноап. Владиміръ „узрѣлъ Бога истиннаго", и въ древнемъ Кіевѣ великимъ княземъ и его крещенною дружиною православная вѣра признана въ Россіи вѣрою господствующею, народною. Съ этою вѣрою Россія получила отъ южныхъ славянъ все духовное и литературное богатство, дарованное славянскимъ народамъ ихъ просвѣтителями и учениками ихъ. Когда славянскіе народы и церкви, подъ сильнымъ давленіемъ враговъ, никли и падали, промыслу Божію угодно было, чтобы св. истина водворилась среди юнаго, великаго, занявшаго полміра, народа, и подъ сѣнію православнаго креста вѣками воспитывалась и вѣками выростала новая славянская жизнь, которая создала міровое царство и служитъ урокомъ на всѣ грядущіе вѣка его существованія. Вѣра Христова со славянскою письменностію призвала Россію къ исторической жизни. Изъ Кіева и церковь и просвѣщеніе распространились по всему пространству русскаго царства. Съ православными храмами и иноческими обителями, которые для русскаго народа были и училищами вѣры и славянскаго просвѣщенія, подъ ихъ зиждительнымъ вліяніемъ, въ разрозненныхъ племенахъ развились жизненныя начала гражданскаго строя и государственности, сплотившія ихъ въ одинъ цѣлый государственный организмъ. Съ распространеніемъ русской колонизаціи, съ завѣтными сохою, бороною и топоромъ русскаго мужика и на берегахъ Бѣлаго моря, и въ высяхъ Урала и въ непроходимыхъ дебряхъ Сибири, распространялось безтрепетнымъ миссіонеромъ инокомъ слово евангельской истины и любви, и внѣдрялись въ дикую жизнь инородцевъ начала сознательнаго христіанства и мало по малу создавалась національная церковь. Россія больше всѣхъ, опередившихъ ее въ образованіи и христіанствѣ народовъ Европы, озаботилась и сдѣлала у себя переводовъ св. писанія и пр. богослуженія на инородческихъ языкахъ Европы и Азіи.

Освятивъ колыбель русскаго царства, Кирилло-Меѳодіевскіе завѣты сохранили и учили его въ самые важные, тревожные моменты его историческаго роста. Когда междоусобица удѣльнаго періода разъѣдала неокрѣпшій еще государственный организмъ, церковь болѣе всего излечила эти раны. Когда монгольское иго, казалось, должно было въ конецъ погубить все нажитое вѣками, церковь явилась собирательницею русской земли, земскою силою, которая сковала московское самодержавіе. И русскій народъ подъ непобѣдимымъ вліяніемъ церкви, отдавъ лютому врагу все: и двѣсти лѣтъ своей исторической жизни и труда мозольнаго, и честь своихъ женъ и дочерей, побѣдилъ татаръ, потому что, захлѣбываясь въ родной крови, онъ неотдалъ и немогъ отдать врагу своей вѣры и церкви, гдѣ была его стихійская крѣпость и сила. Мало того. Ему, дикому, юному народу-варвару старая Европа обязана тѣмъ, что ея не коснулось иго татарское. Какіе вопросы и событія управляли бы міромъ теперь, если бы остріе ятагана монголовъ не притупилось на славянской груди? Но, когда на валахъ Византіи палъ смертію героя послѣдній императоръ, и султанъ, сѣвъ на престолѣ св. Софіи, запѣлъ стихъ корана, христіанская Европа съ своимъ главою западнаго христіанства молчала... Молчитъ она и теперь и думаетъ свою думу, когда св. крестъ замѣняется на храмахъ Хр. Бога символическимъ полумѣсяцемъ. Много пронеслось бурь подъ русскимъ государствомъ, имѣвшимъ такъ много враговъ, такъ много вѣковъ созидавшимся. Всѣ онѣ коснулись только поверхности его жизни, не сокрушивъ его силы: не разрушивъ святыни, ея тайниковъ и не измѣнивъ направленія ея исторической жизни. Россія сохранила и пріумножила св. наслѣдіе Кирилла и Меѳодія и для себя, и для всего славянства. Въ этомъ наслѣдіи: въ родникѣ Божія Слова и писаній святоотеческихъ, она всегда черпала свое просвѣщеніе, воспитывала свое творчество. И потому и въ самыя мрачные дни ея исторіи христіанское просвѣщеніе неизчезало на Руси. Подъ вліяніемъ этого наслѣдія создала она свое могущественное, государственное единство, подъ самодержавнымъ скипетромъ ея помазанниковъ Божіихъ! Подъ вліяніемъ его же она несетъ свѣтъ вѣры въ степи Азіи, проливаетъ кровь свою за братьевъ и ихъ свободу...

И сегодня на рубѣжѣ тысячелѣтія Русскій народъ стоитъ тѣмъ же чистымъ исповѣдникомъ вѣры и началъ, завѣщанныхъ ему его апостолами. Такими же чистыми остаются и славянскія племена, могучею силою православія достигшія своего умственнаго и нравственнаго развитія. Разобщенныя пространствомъ и политическими особенностями занимаемыхъ ими странъ, онѣ вспоминаютъ о своемъ племенномъ единствѣ, и во имя завѣтовъ просвѣтителей своихъ, которые крѣпче всякихъ узъ связываютъ славянскіе народы союзомъ братскаго единства, стремятся къ духовному единенію съ Россіею и вмѣстѣ съ нею единымъ сердцемъ и едиными усты празднуютъ сегодня ясный разсвѣтъ долгаго долгаго историческаго дня, котораго заря засвѣтлѣла тысячу лѣтъ назадъ на берегахъ Моравы. И убѣленный сѣдинами вѣковыхъ опытовъ, вооруженный силою ума и знаній, извѣдавшій доброе и лукавое, западный человѣкъ со средоточенною, серьезною мыслію прислушивается къ голосу тихо текущаго источника этой самобытной народной жизни, полной могучихъ и живыхъ творческихъ силъ и, то съ покорностію своего критическаго ума склоняется къ восточному православію (старокатолики), то съ нервною тревогою спрашиваетъ куда стремится эта славянская жизнь? Гдѣ и какое ея послѣднее слово въ жизни міра? Что принесетъ народамъ ихъ младшій братъ, назвавшій разъ на всегда и населяемую имъ землю Русью святою? Невольно вспоминается предсмертная молитва и завѣтъ брату Кирилла философа и въ празднующую душу просится утѣшительная, благоговѣющая мысль: не этотъ ли юный народъ, въ путяхъ Божественнаго водительства человѣчествомъ къ истинѣ и спасенію, избранъ быть одушевленнымъ ковчегомъ св. истины Христовой, которая одна просвѣщаетъ умъ опутанный сомнѣніями и заблужденіями, возвышаетъ нравственную свободу, умиротворяетъ земную жизнь; которой человѣчество всецѣло обязано высокими выводами науки въ ея примѣненіи къ современному обществу; которая освящаетъ международныя отношенія и объединяетъ всѣхъ людей, не силою огня и желѣза, а силою любви и взаимнаго уваженія. Не этому ли народу даровано святое наслѣдіе: соединить не только славянъ, но и все человѣчество во имя св. завѣта равноапостольныхъ братьевъ: единой, святѣйшей, чуждой всякихъ мірскихъ цѣлей Христовой истины, Христовой любви и правды?...

Принесемъ же братіе славяне, этому великому дню наши молитвенныя благостынныя благожеланія:

да развивается въ насъ живое сознаніе жизненныхъ

силъ, дарованныхъ намъ нашими просвѣтителями, могучихъ и единственныхъ двигателей умственнаго и нравственнаго роста отдѣльныхъ людей; скрѣпленія, объединенія и племеннаго единства народовъ;

да будетъ образованіе нашего молодаго поколѣнія не только средствомъ къ пріобрѣтенію житейскихъ выгодъ, но и средствомъ всесторонняго развитія, по сознанію высокаго значенія его;

да неограничивается религіозное наше воспитаніе небольшимъ запасомъ шаткихъ, смутныхъ, механически усвоенныхъ катихизическихъ понятій, составляющихъ у насъ весь умственный и сердечный капиталъ религіознаго образованія нашихъ иногда даже называемыхъ, или по крайней мѣрѣ думающихъ быть ими, передовыхъ людей;

да будетъ библія самою необходимою святою и желанною книгою на кабинетномъ столѣ и въ библіотекѣ, а храмъ Божій питательницею нашей вѣры и проводникомъ единства нашихъ убѣжденій;

да свѣтитъ живительный свѣтъ науки и сознательнаго христіанства въ нашемъ сѣромъ людѣ; да растворяется его хлѣбъ насущный солію его дѣятельнаго, разумнаго участія въ высшихъ общественныхъ вопросахъ, и разовьется и въ немъ сознаніе важности братскаго единенія племенъ и народовъ;

да развивается, ростетъ быстро, какъ быстро слѣдуютъ событія, управляющія міромъ, и крѣпнетъ среди славянъ не непогрѣшимое мечтательство, которое заходя за предѣлы опыта и осязаемости фактовъ, чаще минуетъ исторію, чѣмъ встрѣчается съ нею, а историческая, безпристрастная правда и ясное пониманіе задачъ и цѣлей современной міровой жизни славянства; да изчезнутъ въ нашемъ образованномъ обществѣ мечтатели, непризнанные и непризванные благодѣтели міра, защитники несчастныхъ и угнетенныхъ, кланяющіеся чужимъ богамъ и съ дѣтскимъ, чтобы не сказать болѣе, легкомысліемъ попирающіе св. начала своей народной жизни; да развиваются наши силы, а съ ними наша родная народно-церковная жизнь.

Братья славяне! да начинаетъ собирать день всеславянскаго праздника всѣхъ славянъ во едино, и по всему славянскому міру, какъ молитвенный вопль одной могучей груди, да раздастся кликъ: да грѣетъ, озаряетъ и живитъ всѣхъ насъ братское единеніе славянъ! Да хранитъ Богъ вѣрное Ему славянское стадо! Аминь. *П. С. З.*

О значеніи дѣятельности Кирилла и Меѳодія для просвѣщенія (*).

Предшествовавшее торжество духовно-религіозное показываетъ уже, зачѣмъ мы собрались сюда въ скромный храмъ нашей скромной науки. Давъ пищу религіозному чувству въ главной школѣ благочестія и вѣры—храмѣ Божіемъ, мы продолжимъ наше торжество и здѣсь—въ школѣ знанія, такъ какъ мы чествуемъ не просто только миссіонеровъ Кирилла и Меѳодія—первыхъ проповѣдниковъ, насадителей православной христіанской вѣры и христіанскаго богослуженія, а проповѣдниковъ вѣры славянамъ на ихъ *родномъ языкѣ*; вмѣстѣ съ вѣрою они принесли письмена, необходимое орудіе знаній, а это такой подвигъ, такія заслуги предъ потомствомъ, подобныхъ которымъ ничего не представляетъ исторія, такъ что вслѣдствіе этого Кириллъ и Меѳодій являются виновникомъ той степени просвѣщенія, на которой находится славянскій міръ, оставшійся имъ вѣрнымъ. Не стану разграничивать дѣятельности Меѳодія отъ дѣятельности Кирилла; они такъ тѣсно связаны между собою, что нельзя этого и сдѣлать. Самъ Кириллъ, умирая, говорилъ брату: „мы какъ два вола прокладывали одну борозду,—я изнемогъ, смотри, тяни до конца, не унывай, не оставляй общаго дѣла". Оставляя въ сторонѣ проповѣдническую дѣятельность Кирилла и Меѳодія, раскрытую предъ нашими глазами отцомъ законоучителемъ въ церковной проповѣди, я коснусь другихъ вопросовъ: изобрѣтенія письменъ, языка, на которомъ написаны богослужебныя книги и значенія ихъ для просвѣщенія вообще.

Начну словами Черноризца Храбра—болгарскаго писателя IX и начала X вѣка: „Прежде убо словѣне не имѣяху книгъ (письменъ), но чертами и рѣзами читаху и гадаху погани суще, крестившемися, римскими и греческими письмены пуждахуся писати словѣнску рѣчь безъ устроя.... Потомъ же человѣколюбецъ Богъ, строяйся и неоставляй человѣча рода безъ разума, но вся къ разуму приводя и спасенію помиловавъ родъ словѣнскъ, посла имъ св. Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа праведна, истинна и сотвори имъ письмена тридесять и осмь, ова убо по чину греческихъ письмянъ, ова же по словѣнской рѣчи"... Таково свидѣтельство одного изъ лицъ, жившихъ незадолго послѣ Кирилла и Меѳодія (въ полвѣка), такъ какъ въ его время жили еще нѣкоторые, видѣвшіе первоучителей славянскихъ. Итакъ, Славяне, будучи язычниками, не имѣли письменъ, но во всякомъ случаѣ были какіе-то черты и рѣзы, т. е. знаки, которыми они пользовались для своихъ надобностей, подобно тому, какъ и у насъ люди неграмотные имѣютъ извѣстные знаки. Есть свидѣтельство (Дитмаръ), что у славянъ Эльбы на идолахъ были надписи именъ ихъ. Одинъ французскій ученый путешественникъ—знатокъ славянства говоритъ, что у славянъ „чародѣйникъ" означало человѣка, дѣлающаго черты и надрѣзы (зарубины), равно какъ и „князь"—(польское ksienż) знающаго книги; очевидно, натяжка въ объясненіи. Все это клонится къ тому, чтобы доказать, что были какія то первоначальныя письмена, которыми пользовались Славяне. Храбръ говоритъ: „когда крестились славяне, начали примѣнять латинскія и греческія буквы безъ порядка, такъ какъ трудно было приспособить къ славянской рѣчи буквы греческія и латинскія, потому что въ послѣднихъ не было буквъ для нѣкоторыхъ славянскихъ звуковъ, какъ напр. шипящихъ.

Кириллъ, жившій все время среди славянъ, не могъ не придти на помощь, тѣмъ болѣе, что сосѣдніе народы армяне, персы и др. совершали богослуженіе на родномъ языкѣ. Какъ ученый филологъ, знавшій много языковъ: греческій, латинскій, готскій, еврейскій, Кириллъ легко могъ сдѣлать это; онъ заимствовалъ нѣкоторыя буквы изъ латинскаго языка, другія изъ греческаго, воспользовался, можетъ быть, многими и славянскими знаками, такъ какъ есть свидѣтельство, что Кириллъ въ Херсонѣ нашелъ переводъ Евангелія и псалтири на русскомъ языкѣ; очень можетъ быть, что это и были уже попытки примѣнить латинскій шрифтъ къ славянской рѣчи крещеными славянами, о которой говоритъ Храбръ. Нѣкоторые звуки (юсы) были выдуманы ими самими. Такимъ образомъ явился алфавитъ, извѣстный подъ названіемъ кириллица, изъ котораго Петръ Великій сдѣлалъ чрезъ нѣкоторое упрощеніе, нынѣшній гражданскій.

Существуетъ еще одинъ алфавитъ—глаголица, появившійся почти одновременно съ кирилицей; онъ отличается

(*) Рѣчь сказанная въ г. Несвижѣ—въ учительской семинаріи.

особенною вычурностію, скрывающею почти совсѣмъ сходство съ кириллицей. Онъ обязанъ, вѣроятнѣе всего, своимъ происхожденіемъ желанію славянъ западныхъ скрыть отъ нѣмецкихъ преслѣдованій славянскую литургію; ее перестали преслѣдовать, коль скоро увидѣли не ненавистную кириллицу, а нѣчто другое. Основывая разсказъ о происхожденіи письменъ на показаніи Храбра, какъ болѣе вѣрномъ и признаваемомъ большинствомъ ученыхъ отнесемъ изобрѣтеніе кириллицы къ 855 году, когда св. братья были еще въ Константинополѣ. Какъ только изобрѣли письмена Кириллъ и Меѳодій, какъ приступили къ переводу Евангелія, начавъ словами: „Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу"... т. е. Евангелія, расположеннаго въ порядкѣ недѣльныхъ чтеній. Дѣло перевода, начатое въ Константинополѣ, они продолжали, распространяя христіанство въ славянскихъ земляхъ Болгаріи, Моравіи и др. и сдѣлали невѣроятный подвигъ, переведши Библію кромѣ маккавейскихъ книгъ, книги богослужебныя и еще нѣсколько другихъ сочиненій. Вотъ этотъ то языкъ носитъ названіе древне-славянскаго, ставшаго достояніемъ всего славянскаго и православнаго міра.

Что же это за языкъ? Разсматривая извѣстныя намъ славянскія нарѣчія: болгарское, русское, сербское, польское, чешское и др. мы не встрѣчаемъ среди ихъ языка Кирилла и Меѳодія. Такимъ образомъ, это языкъ мертвый. Это даже и не вполнѣ нашъ нынѣшній церковно-славянскій богослужебный языкъ. Къ сожалѣнію не сохранилось какой нибудь рукописи, вышедшей прямо изъ подъ пера Кирилла и Меѳодія. Нѣмецкіе проповѣдники употребили всѣ усилія, чтобы уничтожить слѣды дѣятельности славянскихъ учителей. Но есть довольно ранній списокъ Евангелія, сдѣланный діакономъ Григоріемъ, для Новгородскаго посадника Остромира въ 1056 году. Такъ какъ списокъ дѣланъ русскимъ человѣкомъ, то здѣсь мы встрѣчаемъ уже элементы русскаго языка, но такъ какъ ихъ не много, то мы можемъ составить понятіе о древне-славянскомъ.

Главныя особенности старо-славянскаго языка состояли 1) въ правильномъ употребленіи юсовъ и 2) употребленіи глухихъ ъ и ь въ качествѣ гласныхъ. Юсовъ два—большой (ѫ) и малый ѧ; большой произносился, какъ *он*, *ом*, *ън*, *ъм*, а малый, какъ *ен*, *ем*, *ьн*, *ьм*. Юсы сохранили произношеніе только въ польскомъ языкѣ, а въ русскомъ и ново-славянскомъ переходили: ѫ въ *у* и *а*, а малый въ *я*. Напримѣръ: мѫжъ, мужъ, mąż; рѫка, рука, ręka; свѧтый, святый, święty. Глухіе ъ и ь имѣли гласное произношеніе *о* и *е* (въ каковыя гласныя они и перешли въ ново-славянскомъ и русскомъ языкахъ) и ставились послѣ плавныхъ: влъкъ, трья.

Разсматривая письменные памятники другихъ славянскихъ языковъ, мы не замѣчаемъ означенныхъ свойствъ, но видимъ, что въ общемъ Остромирово Евангеліе имѣетъ много сходства съ нынѣшнимъ церковно-славянскимъ языкомъ и съ русскимъ, а это сходство раньше было еще большее, потому что раньше было больше сродства между славянами. Но какое-же все таки это было нарѣчіе? Въ разсматриваемую эпоху славяне занимали большую часть Моравіи, Панноніи и немалую часть Западной Европы. Для насъ важно, что они занимали Балканскій полуостровъ, всю Македонію и Солунь. Живя то здѣсь, Кириллъ и Меѳодій знали прекрасно славянскій языкъ и здѣсь-то, живя среди славянъ, составивъ для нихъ письмена, они начали переводить для нихъ св. писаніе, такъ что, когда пришли Моравы, они уже начали переводить и посольство Моравовъ объясняется тѣмъ, что они уже слышали о проповѣди на родномъ языкѣ. Невѣроятно, чтобы Кириллъ и Меѳодій ожидали для дѣятельности внѣшняго побужденія, это были не такіе люди,—эти высокообразованные люди были въ высшей степени христіански-настроены, были пророки, томимые жаждою духовнаго подвига, у нихъ было какое-то внутреннее предопредѣленіе къ этого рода дѣятельности, идея эта возрасла вмѣстѣ съ ними, вслѣдствіе этого и Меѳодій оставилъ высокій постъ управителя краемъ. Не будь внутренняго побужденія, ничего и не вышло бы. Такимъ образомъ священныя книги начались переводиться Кирилломъ и Меѳодіемъ на языкѣ славянъ, жившихъ около Константинополя—славянъ Болгарскихъ, языкъ которыхъ былъ очень близокъ къ Моравскому, такъ что Моравскій князь и просилъ Апостоловъ славянскихъ изъ Константинополя, и царь указалъ на Кирилла и Меѳодія. ,,Вы бо еста солуняне, да солуняне вси чисто словѣнски бесѣдуютъ". Была разница между славянскими нарѣчіями, такъ сказать, провинціальная, какъ у насъ, напримѣръ, говоры: Владимірскій, Новгородскій, Московскій или вѣрнѣе—великорусскій, малоруссъ и бѣлорусскій. Конечно, продолжая переводъ для Моравовъ, апостолы принимали во вниманіе и ихъ особенности и образовали, такимъ образомъ, литературный языкъ, очищенный отъ провинціализмовъ, и вотъ явился богатый языкъ церковно-славянскій, отличающійся красотою, богатствомъ словъ и формъ грамматическихъ; явилось, такъ сказать дипломатическое нарѣчіе, которое всѣмъ понятно, ,,бѣ бо единъ народъ словѣнскъ, а словѣнскій языкъ и русскій единъ, отъВорягъ бо прозвася русью, а первѣе бѣша словѣне (Нест.). Такъ было велико сходство''. И обрадовались славяне, слыша богослуженіе каждый на родномъ языкѣ.

Перешелъ этотъ даръ и къ намъ. Давно, еще во время пришествія Кирилла и Меѳодія къ Хозарамъ, вѣроятнѣе всего, пришлось слышать предкамъ нашимъ изъ устъ братій слово Божіе, такъ какъ подъ властію Хозаръ было много славянъ, а при Владимірѣ святомъ Русь была крещена и приняла богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Послѣдовали наши предки наставленію: (изъ Евангелія съ предисловіемъ Кирилла) ,,Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣти твореніе Божіе, такъ и всякой души безсловесной, невидящей Божія закона''. Душа бездуховная (безграмотныя) мертва является въ человѣкѣ. Кто на чужомъ языкѣ слышитъ слово Божіе, какъ будто мѣдногласные звуки ему слышатся, ибо апостолъ Павелъ сказалъ: ,,Молитву свою воздавши Богу, хочу лучше пять словъ сказать разумныхъ, чтобы прочіе разумѣли ихъ, нежели тму словъ неразумныхъ, человѣкомъ не понимаемыхъ. Всяка душа отпадаетъ отъ жизни, когда слова Божія не слышитъ''. И полюбили наши предки священныя книги ,,велика бо бываетъ польза отъ ученія книжнаго, книгами бо кажеми есми и учеми покаянію, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ,—се бо суть рѣки, напояющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгамъ суть несчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда воздержанія''. (Несторъ). И вотъ въ книгахъ священнаго писанія начинають получать образованіе и нравственность сначала духовные, потомъ князья, княгини, бояре, ремесленники и люди всякаго званія; названіе ,,книжника'', ,,ученаго'', ,,философа'' пріобрѣтали знакомые съ священнымъ писаніемъ. Много было лицъ, занимавшихся переписываніемъ богослужебныхъ книгъ. Множество переписчиковъ объясняется отсутствіемъ книгопечатанія, а также и тѣмъ, что во 1-хъ,

отъ своихъ трудовъ питаешися, во 2-хъ, праздна бѣса изгониши и въ 3-хъ, съ Богомъ бесѣдовати имаши". Такая любовь къ книгамъ, высоко ставящая нашихъ предковъ, была вредна для переписываемаго. Русскій человѣкъ не бываетъ слѣпымъ исполнителемъ буквы, онъ хочетъ проникнуть во внутрь, все понять, а встрѣчая непонятное въ книгахъ, начали измѣнять по своему, замѣнять одни слова другими, болѣе ему понятными, но часто не совсѣмъ вѣрными. Смѣшивалъ буквы, слова и еще просилъ: „и если же въ какомъ мѣстѣ не исправилъ, Бога ради исправляя чтите, а не кляните". Естественно, что при невысокомъ уровнѣ образованія переписчиковъ, вкрадывались ошибки, которыя заставляли исправлять книги. Этотъ то исправленный переписчиками текстъ св. книгъ подъ вліяніемъ русскаго языка образовалъ нынѣшній ц.-славянскій богослужебный языкъ. Такъ распространялись и укрѣплялись плоды дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія у насъ на Руси. Такова дѣятельность св. братій, которую имѣю честь предложить вашему вниманію. Такимъ образомъ, мы чествуемъ не громкіе подвиги великихъ людей: царей, устраивавшихъ государства; завоевателей, низвергавшихъ царства; вельможъ, гордыхъ своими дѣлами и свысока смотрящихъ на малозамѣтныхъ дѣятелей, а чествуемъ скромныхъ труженниковъ на поприщѣ просвѣщенія. Но такова сила этого труда, что дѣятели его всегда живутъ въ памяти народа, тогда какъ блескъ громкихъ дѣлъ часто скоро забываются: припомните бѣдныхъ рыбаковъ—буяя міра сего, которыхъ Богъ избралъ для проповѣди. Но память ихъ живетъ и будетъ жить вѣчно.

Какое же значеніе имѣетъ просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія? *Они изобрѣли письмена.* Всякій знаетъ, какое значеніе имѣетъ изобрѣтеніе письменъ; возможно ли безъ нихъ хотя кое какое просвѣщеніе? великія истины, мысли человѣческаго ума проходили бы не замѣтно и исчезали. Даже нѣмецкій ученый Шлецеръ сказалъ о славянскихъ братьяхъ: „привѣтствую васъ, безсмертные изобрѣтатели славянской грамоты! Вы первые дерзнули языкъ, имѣющій много ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; въ этомъ дѣлѣ вы поступили, какъ люди, умомъ одаренные". *Они перевели священныя книги на родной языкъ.* Папа Иннокентій III писалъ жителямъ одного города: „приказано было побивать камнями всякое животное, которое взойдетъ на священную гору, это для того, чтобы ни одинъ простой и неученый человѣкъ не осмѣливался восходить до высоты св. писанія", и 1200 книгъ было сожжено. При такомъ взглядѣ человѣкъ, конечно, уподобляется животному, потому что для него закрытъ важнѣйшій источникъ его жизни религіозной—св. писаніе. Но вотъ услышали славяне на родномъ языкѣ: „Въ началѣ бѣ слово"... До какой степени дѣйствуетъ богослуженіе на родномъ языкѣ видно изъ того, что одинъ славянскій патріотъ, услышавъ на родномъ языкѣ: „со страхомъ Божіимъ", умилился и пожелалъ пріобщиться. *Полюбили славяне священное писаніе;*—оно перешло въ домы чрезъ грамоту, церковь стала ближе къ народу, каждый сталъ находить въ немъ утѣшеніе и радость.

Такимъ образомъ, высокія, спасительныя истины вѣры перешли въ духъ, въ жизнь народа, въ его кровь и положили основаніе просвѣщенію, такъ что славяне западные и южные опередили другихъ западныхъ народовъ, пока не подпали гнету латинянъ. Важность проникновенія спасительными истинами вѣры явствуемъ изъ того, что со времени Христа Спасителя нѣтъ народа и не можетъ держаться народъ въ жизни, прожить въ исторіи, имѣть будущность иначе, какъ проникнувшись его духомъ, принявши его Божественныя начала. Всѣ остальныя средства и путь къ жизни получаютъ основаніе въ этомъ началѣ. То и важно, что славянскимъ племенамъ, вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ сокровищемъ—грамотою дано и примѣненіе ея; Кириллъ и Меѳодій ввели насъ въ высокую жизнь, въ область *христіанскаго* человѣчества. Этимъ положено незыблемое основаніе славянству, какъ племени „самобытному въ духѣ, самостоятельному въ исторіи, равноправному въ человѣчествѣ". Все это истинное о славянахъ вообще, приложимо особенно къ намъ—русскимъ въ частности, такъ какъ грамота и христіанское просвѣщеніе положило основаніе новаго народа русскаго. Мы вступаемъ на сцену въ то время, когда греки и римляне съ честію послуживъ христіанству и передавъ христіанство другимъ народамъ, сами начали меркнуть, отступать на задній планъ, то вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, то вслѣдствіе разныхъ личныхъ горделивыхъ помысловъ, лишившихъ западное христіанство его общаго характера.

Мы, принявъ христіанство на родномъ языкѣ, благодаря переводнической дѣятельности Кирилла и Меѳодія, изъ Византіи, стали какъ бы наслѣдницей ея образованности. Къ намъ перешли вмѣстѣ съ богослужебными книгами писанія отцевъ церкви, разные религіозно-нравственные, философскіе, географическіе, историческіе и проч. біографіи отцевъ церкви. Словомъ, мы наслѣдовали „образованность византійскую" (отъ Іустиніана до паденія Константинополя 526—1453 г.). Литература эта носитъ преимущественно религіозный характеръ; она не можетъ похвалиться разнообразностью: отличается сухостію, витіеватостію, передѣлкою прежняго. Но это теперь мы привыкли къ разнообразію; обративъ же взоръ назадъ за 1000 лѣтъ, увидимъ, что тогда и на западѣ интересы науки и литературы стояли низко: Карлъ Великій едва былъ грамотенъ. Славянскій языкъ былъ болѣе совершенъ и полонъ, чѣмъ другіе. Значеніе этой образованности то, что она въ темные средніе вѣка сохраняла плоды древней науки и литературы до тѣхъ поръ пока западные народы не освободились отъ тмы невѣжества и не стали способными къ воспріятію плодовъ ея. Такимъ образомъ, Кириллъ и Меѳодій своими литературными трудами поставили насъ и все славянство на ступень, не низшую западной Европы, если же мы отстали, то виноваты несчастныя для насъ обстоятельства историческія. Для русскихъ литература религіознаго характера, начавшаяся богослуженіемъ на родномъ языкѣ, имѣетъ важное значеніе, есть законъ нашего развитія. „Если русскій человѣкъ не потерялъ образа человѣческаго, не затерялся въ несчастныхъ обстоятельствахъ, сохранилъ въ себѣ живучесть, задатки къ дальнѣйшему развитію, то потому, что онъ свято хранилъ мудрость заключающуюся въ словахъ: „Господи помилуй и Отче нашъ".

Вы, питомцы, будущіе разносители народу знаній, раздаятели мудрости, помните это хорошо. Не растелайтесь мыслію широко очень по земли, высоко подъ оболоки, не „мудрствуйте лукаво", а какъ *народные* мудрователи, держитесь крѣпко указаннаго выше источника. Пусть слово Божіе служитъ вашей путеводной звѣздой, проповѣдникъ его—сотрудникомъ. Обратите болѣе вниманія на оболочку Божіей мудрости—грамоту славянскую—поддержательницу и защитницу отъ чуждыхъ вліяній *религіозной православной народности.*

Самое главное значеніе Кирилла и Меѳодія для просвѣщенія то, что въ основѣ его положена вѣра: „Искони бѣ слово“—вотъ высшее утвержденіе, на которомъ утвержденъ славянскій родъ, его литература, его будущность въ судьбахъ человѣчества. Всѣ другія средства или основы: языкъ, племенность, творчество, обычаи, государственное устройство приспособлены къ этой первой основѣ. Христіанство своею святынею святило, крѣпило и узаконяло національность; всѣ основы жизни и ума дѣйствовали подъ этимъ священнымъ наитіемъ. Такъ опредѣлялась сущность нашей самобытной исторіи. Такъ образовалась новая цивилизація, цивилизація славянства, которой предстоитъ будущность.

Новизна нашей цивилизаціи состоитъ въ томъ, что мы, руководимые вѣрою, проповѣдуемъ всѣмъ славянамъ примиреніе, единство всѣхъ славянъ не въ насиліи, побѣдѣ, а братствѣ, духѣ мира и любви. Проповѣдуемъ слово Божіе для спасенія и зовемъ къ этому весь славянскій міръ.

Особенность нашей литературы должна состоять въ томъ, что, какъ началась она въ служеніи религіи, такъ и теперь религіозныя начала должны незамѣтно проникать ее. Отдѣлилась, пожалуй, наша литература отъ направленія, даннаго ей Кир. и Меѳодіемъ. Въ современной литературѣ однако начинаетъ замѣчаться поворотъ опять въ религіозную сторону. Достоевскій—этотъ проповѣдникъ прогресса, угадывавшій его движеніе, много думавшій, перечувствовавшій, говорилъ, что тогда литературныя художественныя идеалы получалъ силу воздѣйствовать на общество, исправлять его недостатки, когда будутъ освѣщены высшею божественною правдою: „больше вѣры, больше единства, а если любовь къ сему, то все сдѣлано. Такова основа воззрѣній и убѣжденій, а отселѣ и дѣятельности по Достоевскому, которой собственнымъ опытомъ прошелъ различныя направленія и даже отрицательныя и научился истинѣ въ ,,мертвомъ домѣ‘‘—среди каторжниковъ, гдѣ не погасла все таки искра всеобщей правды Божіей. Въ томъ и состоитъ вѣрность Россіи идеалу просвѣтительному Кирилла и Меѳодія, что, какъ они проповѣдывали вселенскую правду и истину подъ руководствомъ церкви, такъ и въ Россіи православная церковь составляетъ общественный идеалъ. Подъ вліяніемъ этого идеала и возможно Россіи въ будущемъ выполнить свою историческую задачу всемірнаго братства, единенія, не теряя своей національности, которое проповѣдывалъ 19 вѣковъ тому назадъ Христосъ, а потомъ передали братья Кириллъ и Меѳодій. Мы обладаемъ и необходимыми для этого чертами: слабостью народнаго эгоизма. Мы охотно и легко усваиваемъ чужое, усваиваемъ духъ чужихъ народовъ, что можно видѣть изъ нашей литературы и особенно Пушкина, который все таки былъ въ высшей степени народенъ. Мы не закрываемъ глаза предъ нашими недостатками, замѣчаемъ ихъ, даже больше того—иногда бичуемъ ихъ съ какою то радостію, даже излишне бичуемъ себя, слѣдовательно, можемъ улучшаться. Скажутъ—не всегда проявляются въ нашей дѣятельности эти черты, но вглядитесь внимательно въ нашу жизнь, исторію; кто больше жертвовалъ изъ народовъ собою для счастья другихъ? кто считалъ выше интересы другихъ, чѣмъ свои? кто болѣе руководится въ жизни идеалами, дѣйствуетъ изъ за идей, руководясь братскимъ чувствомъ? кто больше хлопоталъ о единеніи славянъ? —конечно мы. Можетъ быть эти черты и не совсѣмъ хороши, смотря съ обыденной, жизненной точки зрѣнія, но надо смотрѣть выше: неужели же мы никогда не достигнемъ единенія славянства въ духѣ мира и любви? ,,не нужно смущаться существующею рознью, надо вѣрить въ счастливый исходъ нашихъ стремленій, не даромъ же совершился подвигъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, въ основу нашего просвѣщенія и жизни положившихъ Христа и вѣру въ Него.

И мы вѣримъ, что не смотря на бывшія грозы, на появленіе часто на горизонтѣ тучи, предвѣщающей дожди, пусть даже градобытіе и ураганы, Русь будетъ все грознѣе врагамъ, могущественнѣе, сильнѣе.

Пусть же каждый изъ насъ, сынъ ,,Россіи великой, дивной, православной, могучей‘‘, вооружившись этой вѣрой, идетъ на свое дѣло; ,,каждому есть своя доля, какъ бы скроменъ ни былъ его удѣлъ, каждому достаточно будетъ его дѣла и каждый получитъ себѣ награду въ жизни, по крайней мѣрѣ—въ своей совѣсти и непремѣнно тамъ, у нелицепріятнаго Судіи. Пусть только будутъ предъ глазами высокія слова тропаря Кириллу и Меѳодію: ,,Утвердити вси языки словенскія въ православіи и единомысліи, умирити миръ и спасти души наша‘‘.

И. Г. Бывалькевичъ.

Празднованіе въ Суражскомъ училищѣ тысячалѣтія со дня блаженной кончины Славянскаго Первоучителя св. Меѳодія совмѣстно: Суражскимъ, Завыковскимъ, Юхновецкимъ и Лапскимъ народными училищами и Завыковскою и Золотницкою церковно-приходскими школами, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, 6-го Апрѣля 1885 года.

За нѣсколько дней предъ 6-мъ Апрѣля учителями народныхъ училищъ: Суражскаго, Завыковскаго, Юхновицкаго, а также законоучителемъ,—Суражскаго, Завыковскаго и Лапскаго нар. училищъ, завѣдывающимъ Завыковскою и Золотницкою церковно-приходскими школами, объявлено было, чтобы всѣ учащіеся названныхъ училищъ, безъ различія вѣроисповѣданія и пола собрались въ г. Суражъ въ Суражское училище на 6-е Апрѣля. На канунѣ торжества въ Суражской церкви совершена была вечерня, на которой присутствовалъ только учитель Суражскаго училища съ учениками, такъ какъ другія по отдаленности разстоянія не могли прибыть къ вечернѣ въ г. Суражъ. Утромъ 6-го Апрѣля начался сборъ учащихся въ Суражское училище, куда къ 8 часамъ явились ученики Суражскаго училища и часть учащихся церковно-приходской школы, между которыми было 7 дѣвочекъ и всѣ они въ 9 часовъ подъ руководствомъ учителя Суражскаго училища Николаюка попарно отправились въ церковь къ заутрени. По дорогѣ къ названнымъ ученикамъ примкнули ученики Лапскаго народнаго училища, во время совершенія заутрени въ церковь прибыли ученики и остальныхъ названныхъ училищъ, которые заняли указанныя въ рядахъ мѣста; сюда-же прибыли и учителя:—Завыковскаго народнаго училища—Новикъ и Юхновецкаго—Чаквинъ. Во время заутрени всѣ учащіеся были поведены попарно къ цѣлованію св. Евангелія учителемъ Новикомъ; учителя-же,—Николаюкъ и Чаквинъ съ отборными поющими учениками изъ всѣхъ училищъ пѣли заутреню. Въ пѣніи кромѣ учениковъ-мальчиковъ народныхъ училищъ участвовали и дѣвочки Завыковской церковно-приходской школы. По окончаніи заутрени учащіеся всѣхъ училищъ подъ руководствомъ учителей попарно отправились въ Суражское училище и порядокъ, въ какомъ они стояли въ церкви и пришли изъ нея въ училище вызвалъ немалое удивленіе со стороны присутствующихъ въ церкви, въ особенности со стороны крестьянъ, большинства которыхъ дѣти тутъ были, выражавшееся въ ихъ одобреніяхъ и благодарностяхъ учителямъ по окончаніи богослуженія. Церковь была переполнена молящимися,

преимущественно крестьянами Суражскаго прихода и нѣкоторыми другими лицами. Учащихся присутствовавшихъ въ церкви при богослуженіи и участвовавшихъ въ торжествѣ праздника въ училищѣ было изъ всѣхъ училищъ 136 человѣкъ: народныхъ училищъ—91 мальч. (50 православныхъ и 41 р.-катол.) и церковно-приходскихъ школъ 45 человѣкъ (31 мальчикъ и 14 дѣвочекъ). Въ училищѣ вслѣдъ за учащимися прибыло много и крестьянъ, бывшихъ въ церкви. Тутъ въ промежутокъ времени до начала божественной литургіи при полномъ сборѣ учащихся и крестьянъ пропѣтъ былъ трижды тропарь пасхи: „Христосъ воскресе...", послѣ чего учителемъ Суражскаго училища Николаюкъ было сказано нѣсколько словъ, о значеніи торжества праздника, о великихъ дѣяніяхъ и заслугахъ среди славянскихъ племенъ первоучителей славянъ святыхъ Кирилла и Меѳодія выразившихся въ распространеніи ими христіанства и переводѣ богослужебныхъ и священныхъ книгъ на понятный славянскій языкъ; затѣмъ, послѣ краткаго изложенія жизни и подвиговъ первоучителей и ихъ блаженной святой кончины, учащимся дано было наставленіе, какъ они должны вести себя, подражая св. первоучителямъ славянъ по отношенію ко всѣмъ людямъ вообще и въ настоящій праздникъ въ церкви въ частности. Послѣ общаго пѣнія тропаря св. Кириллу и Меѳодію, учащіеся въ 11 часовъ отправились въ церковь въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ они пришли въ училище, къ слушанію божественной литургіи, гдѣ въ должномъ порядкѣ заняли мѣста при правомъ и лѣвомъ клиросахъ впереди присутствующаго въ церкви народа. Литургію совершалъ законоучитель о. Николай Веселовскій, а пѣли отборные лучшіе ученики—мальчики и дѣвочки изъ всѣхъ училищъ подъ руководствомъ учителей. По окончаніи литургіи произнесена была о. законоучителемъ проповѣдь, въ которой очерчена была подробно вся жизнь, труды и заслуги св. Кирилла и Меѳодія, а затѣмъ отслуженъ былъ св. первоучителямъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія—Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, учащимъ и учащимся и всѣмъ православнымъ христіанамъ,—на что всѣ безъ исключенія учащіеся отвѣчали троекратнымъ пѣніемъ,—многая лѣта, а послѣ этого опять всѣ учащіеся въ должномъ порядкѣ и народъ отправились въ училище, гдѣ по предварительному условію съ законоучителемъ предположено было тоже отслужить молебенъ св. Кириллу и Меѳодію. По прибытіи законоучителя въ училище учащимися пропѣтъ былъ тропарь 8-й пѣсни пасхальнаго канона: „Возведи окрестъ очи твои, Сіне, и виждь..." и о. законоучитель предъ началомъ молебена обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ прочувствованною рѣчью, которою, по изложеніи въ доступной формѣ выдающихся фактовъ изъ жизни первоучителей-славянъ, пригласилъ всѣхъ жить въ мирѣ и согласіи, учить другихъ слову Божію и учиться всѣмъ по примѣру великихъ славянскихъ учителей, а потомъ начался молебенъ. Послѣ приложенія ко кресту и поздравленія, учителемъ Николаюкомъ нѣсколькими словами учащихся и всѣхъ присутствующихъ съ торжественнымъ днемъ праздника учащимися подъ руководствомъ учителей торжественно пропѣтъ былъ народный гимнъ: „Боже Царя храни...!" а затѣмъ началась раздача учащимся книгъ, брошюръ и картинъ съ описаніемъ и изображеніемъ житія и подвиговъ святыхъ первоучителей, нарочно для этой цѣли о. законоучителемъ выписанныхъ на церковныя средства. Изъ присутствующихъ лицъ въ училищѣ, какъ предъ началомъ литургіи, такъ и при совершеніи молебна, кромѣ учащихся, учителей и множества крестьянъ изъ дер. Суражскаго православнаго прихода были: Завыковскій волостной старшина, нѣсколько волостныхъ писарей, и многіе др. Къ великому сожалѣнію никого разумѣется, кромѣ дѣтей-учениковъ, не было какъ изъ жителей г. Суража, которые всѣ почти католики, такъ и изъ Суражскихъ городскихъ властей, исключая секретаря управы, что рѣзко бросилось всѣмъ присутствующимъ въ глаза и заставило многихъ удивляться тому недружелюбію, съ которымъ католики теперь и всегда, руководимые своими вождями, относятся къ православію и православнымъ русскимъ людямъ въ г. Суражѣ. Классъ Суражскаго училища, заботливостію учителя Суражскаго училища былъ учениками того же училища роскошно разукрашенъ вѣтками елей, вѣнками и букетами изъ зелени и лѣсныхъ раннихъ цвѣтовъ и особенное вниманіе обращала на себя небольшихъ размѣровъ икона св. Кирилла и Меѳодія, нарочно къ этому дню изготовленная, во кругъ которой красовался значительной величины вѣнокъ изъ живыхъ вазонныхъ цвѣтовъ—миртовъ и розъ и портретъ Государя Императора въ громадномъ изъ зелени вѣнкѣ. Вообще устроенное въ училище торжество при всесторонней прекрасной обстановкѣ произвело довольно сильное впечатлѣніе на присутствующихъ въ особенности на крестьянъ—мужчинъ и женщинъ въ большомъ количествѣ бывшихъ въ училищѣ, а равно и на всѣхъ учащихся, получившихъ въ концѣ концовъ, къ неописанному своему удовольствію подарки, состоящіе изъ книгъ и картинъ, чего имъ раньше почти никогда выдаваемо не было.

Нужно отдать полную справедливость о. законоучителю Николаю Веселовскому въ томъ, что онъ много трудился къ увеличенію торжественности дня относительно сбора народа въ г. Суражъ на 6 Апрѣля, которому раньше было разъяснено значеніе этаго великаго дня и двумя своими рѣчами *) въ церкви и училищѣ съумѣлъ вселить въ народъ и дѣтей высокое понятіе и великое значеніе о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ и о ихъ трудахъ на пользу всѣхъ славянскихъ племенъ и въ особенности насъ русскихъ, а также и учителю мѣстнаго училища, Николаюку сдѣлавшему съ своей стороны все возможное какъ съ нравственной точки зрѣнія, такъ и со стороны обстановки училища, чтобы произвесть соотвѣтствующее торжеству праздника вліяніе какъ на учащихся, такъ и на всѣхъ присутствующихъ въ этотъ знаменательный для всѣхъ православно-русскихъ людей день.

— Изъ с. Милькановичъ—Слонимскаго уѣзда. (Торжество 6-го Апрѣля), торжество это въ приходѣ Милькановичской церкви праздновалось такъ: 24 марта, послѣ вечерни, учетеля обоихъ училищъ совмѣстно съ законоучителемъ читали програму празднованія для 6-го апрѣля и обсудили какъ лучше примѣняясь къ ней, отпраздновать этотъ день. Согласно этому рѣшенію, въ Пасничской приписной къ Милькановичской церкви, на четвертый день праздника пасхи, въ день заложенія этого храма, при стеченіи болѣе 1500 богомольцевъ Милькановичскаго и сосѣднихъ приходовъ, было оповѣщено настоятелемъ о предполагаемомъ праздновании 6-го апрѣля, прочитано и разъяснено припечатанное въ № 9 Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей (ко дню чествованія...) обращеніе къ народу и указанъ

*) Рѣчь, сказанная законоучителемъ въ училищѣ хранится при дѣлахъ училища совмѣстно съ описаніемъ торжества праздника.

предполагаемый порядокъ празднованія, сдѣлана проба пѣнія славянскихъ религозныхъ пѣсень по богогласнику, сельскій староста обязался изготовить сорокъ красивыхъ, бѣлыхъ тычинъ, а матери учениковъ дать столько же разноцвѣтныхъ лентъ къ изготовляемымъ Пасиничскимъ учителемъ для крестнаго хода буквамъ славянкой азбуки изъ разноцвѣтной бумаги, наклеенной на бѣломъ фонѣ. Въ ѳомину недѣлю оповѣщеніе о праздникѣ снова повторено народу въ приходѣ Милькановичской церкви; 4 апрѣля учитель Милькановичскаго училища ѣздилъ въ Слонимъ въ уѣздное училище за справкой: не прислано ли изъ дирекціи означенныхъ въ программѣ описаній житія и иконъ св. Кирилла и Меѳодія для училищъ, и для разученія какого нибудь гимна въ честь славянскихъ первоучителей; книгъ и брошюръ у смотрителя не оказалось, удалось учителю только списать напѣвъ прекраснаго стихотворенія, пропечатаннаго въ номерѣ 65 отъ 22 марта газеты „Свѣтъ“: Славяне! пѣнію высокой почтимъ апостоловъ славянъ, съ припѣвомъ: слава Кириллу, слава Меѳодію, братьямъ святымъ!, которое т. е. стихотвореніе 5 апрѣля и разучено было учениками. На всенощномъ бдѣніи—вечеромъ 5 апрѣля пѣли и читали, какъ всегда обычно въ Милькановичской церкви, прихожане съ участіемъ учениковъ изъ ближайшихъ къ церкви деревень Милькановичскаго училища. Освѣщеніе было полное и облаченіе самое лучшее. Въ самый день праздника 6 апрѣля въ 6 часовъ утра, учителя отдѣленій Милькановичскаго училища изъ деревень Юхновичъ и Воровичъ съ своими учениками, по два въ рядъ, въ сопровожденіи массы народа отправились въ Пасиничское училище, отстоящее въ одной верстѣ отъ этихъ деревень, съ учениками котораго соединившись подъ руководствомъ Пасиничскаго училища примкнули къ крестному ходу, который въ 7½ часовъ отправлялся изъ приписной Пасиничской церкви въ приходскую въ село Мильковичи—въ 6 верстахъ отъ Пасиничъ. Порядокъ шествія былъ такой: сначала выносной крестъ, потомъ, по обычаю, несомыя дѣвицами выносныя кіоты, всѣ хоругви, затѣмъ всѣ ученики по два въ рядъ, при чемъ въ передни два ученика несли икону св. Кирилла и Меѳодія и разноцвѣтную вырѣзную славянскую азбуку наклеенную на бѣломъ фонѣ (какъ то, такъ и другое, придѣлано было къ древкамъ на подобіе знамени); за ними такую же азбуку въ большемъ размѣрѣ несли по одной буквѣ на такихъ же древкахъ 38 слѣдующихъ учениковъ, остальные 60 учениковъ по 4 въ рядъ шли за ними, а затѣмъ народъ въ праздничномъ нарядѣ и настроеніи при пѣніи ирмосовъ воскресенія, пѣсень церковныхъ и славянскихъ религіозныхъ изъ богогласника. Не доходя версты съ половиною къ селу Мильковичи встрѣтилъ крестный ходъ и примкнулъ къ нему учитель отдѣленія изъ деревни Кокощицъ съ своими учениками и народомъ. Изъ приходской церкви и училища этотъ ходъ далеко былъ видѣнъ, а потому, когда онъ приближался къ Милькановичамъ, былъ встрѣченъ за селомъ самымъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ приходской церкви и учениками Милькановичскаго училища, гдѣ соединившись, послѣ краткихъ привѣтствій и ектеніи, отправились въ самомъ строгомъ порядкѣ въ церковь, а ученики съ иконою Кирилла и Меѳодія и буквами отъ воротъ церковныхъ къ училищу; здѣсь свои на шестахъ буквы они разставили симметрично по всей фронтовой оградѣ предъ училищемъ, а икону и меньшую азбуку укрѣпили надъ крыльцомъ училища. Изъ отдѣльныхъ большихъ буквъ составились на оградѣ училища, на сколько было возможно, слова: Кириллъ—Меѳодій.

Въ 10 часовъ началась литургія умилительно пропѣтая учениками, которыхъ собралось до 200 человѣкъ, и народомъ. Во время проскомидіи и литургіи на ектеніяхъ и великомъ выходѣ произносились молитвенныя возношенія за всѣхъ православныхъ славянъ. По заамвонной молитвѣ настоятель объяснилъ значеніе праздника, изложилъ жизнь и подвиги св. первоучителей и примѣнительное къ этому случаю слово, при чемъ въ пособіе, на сколько оказывалось подходящимъ, взято имъ было пропечатанное въ № 12 Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей простонародное поученіе архимандрита Николая на текстъ: *Поминайте наставники ваша*. Послѣ обѣдни прочитано было посланіе Святѣйшаго Синода и, совершено благодарственное молебствіе. Вся церковь была биткомъ набита народомъ въ праздничныхъ нарядахъ. Послѣ обѣдни данъ былъ народу и ученикамъ получасовой отдыхъ, а затѣмъ начался въ училищѣ актъ. Училище ради этого случая еще наканунѣ было убрано зеленью изъ березы, ели, брусники и др. растительностей; скамейки всѣ были вынесены, окна съ петель сняты, устроена красивая покрытая коврами каѳедра, а въ углу, устроеннаго такимъ образомъ актоваго зала, надъ елкой поставлена была пожертвованная училищу о. протоіереемъ харковскаго драгунскаго полка, икона св. Кирилла и Меѳодія съ горящею предъ ней лампадкой. Какъ только настоятель въ сопровожденіи своихъ домашнихъ, и др. представителей прихода вступилъ въ залъ, ученики подъ руководствомъ учителя Савича пропѣли: „Днесь благодать святаго Духа насъ собра“. Затѣмъ настоятель взошелъ на каѳедру и торжественно прочелъ посланіе Святѣйшаго Синода (въ церкви, ради множества народа, не всѣ его могли слышать, да кромѣ того, оно тутъ было весьма кстати для начала), затѣмъ прочиталъ отрывокъ изъ присланнаго Святѣйшимъ Синодомъ слова протоіерея Димитрія Никитина. Эта рѣчь закончилась троекратнымъ провозглашеніемъ настоятелемъ: „Слава же Кириллу, слава Меѳодію, слава братьямъ святымъ“, а ученики каждый разъ умилительнѣйшимъ пѣніемъ повторяли эти слова. Послѣ того настоятель съ каѳедры читалъ стихи:

„Славяне! Пѣснію высокой
Почтимъ Апостоловъ славянъ
И сладкимъ звукомъ ихъ имянъ
Свой гласъ молитвенно глубокой
И вдохновимъ, и оживимъ.

Слава же Кириллу, слава Меѳодію, слава братьямъ святымъ“,—народъ подхватывалъ громогласно: „слава! слава!“ а ученики подъ возглашеніе народа повторяли припѣвъ: „Слава Кириллу, слава Меѳодію, братьямъ святымъ слава. Дальше исполнены были такимъ же образомъ слѣдующіе четыре куплета:

„Они молитвъ церковныхъ слово
И все ученіе Христово,
Чрезъ изобрѣтенье письмянъ,
Съ языка еллиновъ—чужаго
Перевели на звукъ—роднаго
Для соплеменныхъ намъ славянъ...
Слава Кириллу, слава Меѳодію,
Братьямъ святымъ!
Прошли года, и Русь святая,
Славянамъ кровная родная,
Христову вѣру приняла...
И вмѣстѣ съ вѣрой въ обладанье
Племенъ славянскихъ достоянье
Тогда ей Греція дала.

Слава Кириллу, слава Меѳодію,
Братьямъ святымъ!
Прошли вѣка, и просвѣщенье
Межъ русскихъ свѣточемъ зажглось,
Струею тихой полилось
Отъ поколѣнья къ поколѣнью...
Отъ предковъ нашихъ, какъ сынамъ,
Оно досталося и вамъ.
Слава Кириллу, слава Меѳодію
Братьямъ святымъ!
И будетъ савить Русь родная
Святыхъ апостоловъ славянъ...
И сладкимъ звукомъ ихъ имянъ
Свои молитвы оглашая,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
Она ихъ память соблюдетъ.
Слава Кириллу, слава Меѳодію—
Братьямъ святымъ"!...

Послѣ послѣдняго куплета пропѣтъ былъ учениками весь первый куплетъ стихотворенія съ припѣвомъ и по желанію пришедшаго въ энтузіазмъ народа припѣвъ былъ повторяемъ еще нѣсколько разъ настоятелемъ и хоромъ. За этимъ стихотвореніемъ, замѣнившимъ собою гимнъ святымъ, послѣдовало слѣдующее обращеніе къ народу настоятеля: „Братья славяне! Чѣмъ же лучше всего мы можемъ почтить священную память Кирилла и Меѳодія въ день тысячелѣтія кончины послѣдняго изъ нихъ? А ничѣмъ инымъ какъ молитвеннымъ воспоминаніемъ ихъ великихъ подвиговъ, подъятыхъ для нашего блага и твердымъ обѣщаніемъ слѣдовать ихъ спасительнымъ завѣтамъ, обѣщаніемъ жить и поступать такъ, какъ жили и поступали они, обѣщаніемъ воспитывать и дѣтей своихъ такъ, какъ воспитывали они новообращенныхъ славянъ, въ духѣ православной вѣры и истинно христіанскаго благочестія. А для того, чтобы жизнь св. Кирилла и Меѳодія, ихъ дѣянія и подвиги ради насъ болѣе запечатлѣлись въ нашей памяти и прошли въ нашу жизнь, будемъ почаще сами прочитывать и тоже рекомендовать дѣтямъ своимъ св. житіе ихъ, которое всегда найдемъ въ своихъ школахъ; а теперь по краткости времени, прочитаемъ хотя выдержки изъ прекраснаго житія ихъ, присланнаго Святѣйшимъ Синодомъ, чтобы по нимъ вы могли ознакомится сами на сколько оно прекрасно. Завтра это житіе, и другое подобное, будутъ вамъ читать учителя здѣсь же въ школѣ до и послѣ обѣдни. По прочтеніи выдержекъ изъ житія ученики пропѣли тропарь и величаніе святымъ, настоятель прочелъ стихи (изъ Пчелы стр. 466 М. Погодина, отъ 4 апрѣля 1876 г.)

„О, Господи, благословенье
Славянскому народу дай!...
Благослови всу Русь святую...
Да всѣ Славянскіе народы,
Что дѣти матери одной,
Забывъ прошедшія невзгоды,
Поймутъ всѣ голосъ свой родной
Да всѣмъ настанетъ имъ спасенье,
И слышенъ будетъ гласъ съ небесъ:
Славяне! намъ благословенье!
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!"

Послѣ чего ученики пропѣли три раза скорое „Христосъ воскресе" и „Возведи окрестъ очи твои Сіоне и виждь, се бо пріидоша къ тебѣ...", настоятель провозгласилъ: „Великъ Господь, православноисповѣдуемый, устроивый тако"— ученики отвѣтили пѣніемъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ"; по желанію народа снова было повторено, подобно какъ въ началѣ, стихотвореніе: „Славяне! Песнію высокой" и проч. съ припѣвами „Слава Кириллу"! Далѣе, послѣ вопроса, какъ же впредь этотъ св. день будемъ праздновать? было прочитано настоятелемъ изъ № 10 епарх. вѣд. распоряженіе Святѣйшаго Синода отъ 21-22 февраля сего года за № 352 о праздновании впредь этого праздника, и о предполагаемомъ въ этотъ день 6 апрѣля открытіи въ Вильнѣ общества во имя св. Меѳодія и Кирилла и выдержки изъ газеты „Свѣтъ" о томъ какъ предполагалось этотъ день праздновать на Руси и за границей; послѣ этого пропѣли нѣсколько разъ гимнъ „Боже Царя храни", и послѣ „свѣтися свѣтися", по приглашенію настоятеля, всѣ отправились совмѣстно съ нимъ въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ св. Кириллу и Меѳодію, совершенъ, при хоругвахъ и иконахъ двухъ церквей, крестный ходъ вокругъ церкви съ пѣніемъ „да воскреснетъ Богъ", послѣ котораго иконы и хоругви приходской церкви были внесены въ церковь, а крестный ходъ приписной церкви отправился обратно прежнимъ порядкомъ въ Пассничи (буквы остались разставленными на весь тотъ и слѣдующій дни предъ Милькановичскимъ училищемъ); къ тому мѣсту за селомъ, гдѣ утромъ былъ встрѣченъ крестный ходъ, его снова сопровождали настоятель въ облаченіи, всѣ ученики и народъ, при чемъ во время шествія чрезъ село послѣ всякой пѣсни пасхальныхъ ирмосовъ, по желанію народа, пѣлся въ честь переводчиковъ божественной службы на славянскій языкъ припѣвъ „слава Кириллу, слава Меѳодію, братьямъ святымъ". За селомъ, остановились, настоятель произнесъ отпустъ и краткую прощальную рѣчь. Во время акта все училище, мѣста предъ окнами и возвышенности предъ училищемъ и возлѣ церкви были заняты народомъ. Народъ говорилъ, что никогда не забудетъ этого дня и внукамъ и правнукамъ будутъ передавать какъ они праздновали этотъ день. Въ обѣихъ церквахъ былъ цѣлодневный звонъ, а въ 7 часовъ вечера всенощное бдѣніе. Праздникъ и значеніе его вполнѣ были уяснены народомъ, а припѣвъ „Слава Кириллу, слава Меѳодію", повторяется въ приходѣ повсемѣстно по праздникамъ и буднямъ и дома, и въ полѣ при работѣ лицами разныхъ возрастовъ до сего дня.

— М. Куренецъ, Вилейскаго уѣзда. Въ воскресенье 14 числа минувшаго апрѣля крестьяне Куренецкой волости достойнымъ образомъ праздновали постановку иконы святаго благовѣрнаго кн. Александра Невскаго въ мѣстной церкви въ память горестнаго событія 1 марта 1881 г.

Мыслію увѣковѣчить память Царя-Мученика видимымъ св. дѣломъ проникнулись и крестьяне Куренецкой волости. Волостной старшина Радзивоновичъ, отвѣчая общему желанію всѣхъ крестьянъ, съ радостію принялъ на себя почнинъ фактическаго осуществленія этой мысли на дѣлѣ. 7-го марта 1882 г. собравшись въ мѣстное волостное правленіе, крестьяне постановили: сдѣлать посильное пожертвованіе на сооруженіе иконы св. благов. кн. Александра Невскаго въ увѣковѣченіе памяти въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича. Добровольныхъ пожертвованій поступило до 60 руб., и на эти деньги волостнымъ старшиною Радзивоновичемъ была пріобрѣтена св. икона— одинъ аршинъ высоты и три четверти аршина ширины съ металлическою позолоченною ризою съ надписью надъ ликомъ

полукружіемъ: „Царю Мученику Освободителю Александру Николаевичу“ и внизу: „отъ крестьянъ Куренецкой волости, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи“; икона помѣщена въ изящномъ позолоченномъ кіотѣ съ рѣзьбою. Эта икона доставлена въ волостное правленіе вначалѣ апрѣля и 14 числа праздновалась постановка оной въ мѣстной приходской церкви.

Еще наканунѣ зданіе волостнаго правленія какъ внутри, такъ и снаружи, изящнымъ образомъ было декорировано зеленью и большихъ размѣровъ комнатными цвѣтами. Комната, въ которой находилась св. икона, въ особенности была разукрашена зеленью; зелеными гирляндами была украшена св. икона, а равно портреты Высочайшихъ Особъ; стѣны, окна и двери буквально утопали въ зелени. Дорога, ведущая изъ правленія въ церковь была устлана елкой и уставлена съ обѣихъ сторонъ елями.

Въ самый день праздника, при благопріятной погодѣ, въ 8 часовъ утра раздался благовѣстъ къ заутрени; церковь наполнилась молящимися и далеко не вмѣстила въ себѣ собравшагося народа. Къ предстоящему торжеству прибылъ уѣздный исправникъ г. Козакевичъ и много другихъ лицъ изъ г. Вилейки. Послѣ заутрени былъ совершенъ мѣстнымъ настоятелемъ крестный ходъ изъ церкви въ волостное правленіе, при пѣніи во время шествія хоромъ учениковъ пасхальнаго канона.

Въ зданіи правленія былъ совершенъ чинъ освященія св. иконы и церковная процессія съ св. иконою при пѣніи тропаря св. Александру Невскому направилась обратно въ церковь. Все разстояніе отъ церкви до волостнаго правленія приблизительно ¼ версты было запружено народомъ, участвовавшимъ въ крестномъ ходѣ; кромѣ того масса людей стояла на погостѣ и при приближеніи иконы упала на колѣни. Минута была поистинѣ трогательная.

По установленіи въ церкви св. иконы на особо приготовленномъ аналоѣ, настоятелемъ была произнесена приличная торжеству рѣчь, въ которой онъ обратилъ вниманіе слушателей на тѣ благодѣянія и милости, коими осыпаны были всѣ подданные, а въ особенности крестьяне въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ; и затѣмъ призывалъ всѣхъ возносить повседневно теплыя свои молитвы къ престолу Всевышняго о упокоеніи души Царя-Мученика Освободителя, и, указывая на вкладъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, сдѣланный въ 1872 г. въ мѣстную церковь: икону свв. Виленскихъ мучениковъ и на сооруженную нынѣ икону св. Александра Невскаго убѣждалъ, чтобы эти св. иконы были живымъ напоминаніемъ этого призыва къ молитвѣ. Вслѣдъ за симъ былъ отслуженъ молебенъ предъ иконою св. Александра Невскаго съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему Дому, и вѣчной памяти въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Николаевичу, во время пѣнія которой всѣ молящіеся, какъ одинъ человѣкъ, преклонили колѣна. Наконецъ началась божественная литургія, окончившаяся молебномъ съ каномъ свв. Виленскимъ мученикамъ. Народъ тихо разошелся по домамъ, унося въ своемъ сердцѣ самое отрадное впечатлѣніе.

Священникъ *К. Маркевичъ.*

Содержаніе № 22.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА. Высочайшія повелѣнія. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Инструкція псаломщикамъ. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Пожертвованіе. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. О чужеземцахъ. Изъ м. Гелванъ. Слово. О значеніи дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Празднованія тысячелѣтія св. Меѳодія въ Суражскомъ училищѣ. Изъ с. Милькановичъ. М. Куренецъ.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Пралевнія. г. Вильна. Ивановская у. № д. 11. 1885 г.